

АЛЕКСЕЙ ПИШЕНКОВ

ТРАНЗИТ

Алексей Анатольевич Пишенков

Транзит

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36619516
Транзит: Моя Строка; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-907040-17-5*

Аннотация

Кроме «безбашенных» приключений 90-х годов, ставших в то время для некоторых просто нормой жизни, эта книга, можно сказать, также и о том, что Вторая Мировая война совсем не является закрытой главой где-то в анналах истории. Она, эта война, как бы это не показалось кому-то странным, продолжается и по сей день.

И если политики или историки, иногда даже на государственном уровне, и сегодня пытаются оспаривать и пересматривать события, произошедшие тогда, то некоторые вполне конкретные люди прямо сейчас являются непосредственными участниками действия, начавшегося ещё в сороковых годах XX столетия. При этом даже реальное боевое оружие тех лет зачастую всё ещё используется по своему прямому назначению – оно стреляет...

Являясь историческим и приключенческим романом, это произведение, тем не менее, основано на реальных фактах и событиях из жизни самого автора.

Содержание

Предисловие	4
Комментарий автора к названию	7
I	10
II	52
III	80
IV	104
V	134
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Алексей Пишенков

Транзит

Предисловие

Эта книга написана мной в 1999 году, по горячим следам, так сказать, поэтому многие понятия и описания отвечают как раз концу 90-х годов XX века, а никак не дате первой публикации. Сюжет основан на событиях, происходивших на территории нескольких европейских государств во второй половине 90-х годов уже прошлого столетия, участником которых, по стечению обстоятельств, являлся и автор, то есть я.

Сказать, что я никогда специально не искал на свою задницу приключений, было бы откровенной ложью. «Активно искал и именно поэтому довольно часто находил» – гораздо более точное выражение. То есть историю, описанную здесь от первого лица, можно считать, до определённой меры, автобиографической. В ней я попробовал описать реальную атмосферу и способ моей жизни и жизни окружающих меня людей в период одного долгого приключения длиной почти в шесть лет, называемого «транзитный перегон». Опыт перемещения между различными государствами, жизни в них, мысли, чувства, впечатления и отдельные конкретно описанные здесь случаи – это всё мой личный опыт, мои мысли

и чувства, а также приятные и неприятные ситуации, в которые лично я попал, пережил и опробовал на собственной шкуре.

Чтобы нехотя не причинить никому вреда, а также не подвести самого себя под «статью» за открыто признаваемое здесь участие в различных противозаконных акциях, имена некоторых реально существующих людей в тексте изменены, также как и некоторые (очень немногие) географические названия. Тем, кого уже нет с нами на этом свете, моя книжка никаких неприятностей не принесёт, скорее наоборот, может дольше сохранить память об этих людях, поэтому их имена я не менял и старался описать их здесь такими, какими в действительности были (по крайней мере, какими их видел я) – не хуже, но и не лучше. В некоторых упоминаемых здесь местах на территории различных государств полицейские и пограничные архивы уже запечатлели следы моего пребывания, так что переделывать такие географические названия тоже нет смысла.

Действие, описанное, как происходившее во время Второй Мировой войны – попытка литературной реконструкции событий, хотя частично и основанная на действительных исторических фактах и свидетельствах очевидцев.

Действие, происходящее в настоящем времени параллельно описываемому от первого лица, – фикция, это лишь вымыслы и догадки автора, связанные с существующей в действительности активностью спецслужб некоторых госу-

дарств и различных частных организаций в определённом направлении. Какое-либо подобие или связь с реально существующими людьми или реально проводимыми ими действиями может являться здесь лишь чисто случайным совпадением.

Комментарий автора к названию

Словом «транзит», кроме всего прочего, называется и специальная очередь к автомобильным КПП на западных границах того, что ещё относительно недавно являлось Советским Союзом, или коротко по-домашнему «совком», а сейчас превратилось в аморфный географический объект с тяжело воспринимаемым как изнутри, так и снаружи его названием «СНГ». Термин «транзит» используют пограничники, таможенники, бандиты, местные аборигены и сами водители в отношении длинного ряда автомашин, перегоняемых, как правило, на перепродажу из различных западных и не очень западных государств на необъятные просторы нашей (общей) «совковой» или эСЭНГэшной Родины. Из-за длительного процесса оформления необходимых документов, «транзитные» машины стоят в отдельной до-о-о-олгой очереди, чтобы не задерживать остальных участников бурного безграницного движения – «челноков», мелких контрабандистов, шоп-туристов и т. д.

Для меня понятие «транзит» на несколько лет стало образом жизни, при котором я в действительности ни в одном месте не задерживался особо долго, постоянно мотаясь между западом и востоком Европейского континента. И, как закономерный результат всего этого, поселился я в конце концов тоже в «транзитном» состоянии на пути между Москвой

и Цюрихом, в Чешской Республике, где и происходит большая часть описанного в этой книге.

Как это чувствую лично я, когда человек попадает в ситуацию, в которой конкретные события, происшедшие много лет назад, начинают неожиданно сильно влиять на происходящее в настоящем, это можно тоже охарактеризовать как этакий прямой временной «транзит», дающий возможность иногда мысленно, с помощью человеческой памяти или каких-либо информации, а иногда и прямо физически, через отдельные существующие и сохранившиеся предметы, соприкоснуться с прошлым... Пока, к сожалению, только лишь с прошлым – машину времени в сносном техническом состоянии затем ещё никто ниоткуда к нам не перегнал...

Исходя из всего выше изложенного, я подумал, что именно слово «транзит» и будет достаточно подходящим названием для этой истории, так как может рассматриваться здесь сразу в нескольких своих значениях одновременно.

* * *

Посвящается:

Алексею Климову (†), Либору Кнюрку (†), Ольге Новиковой, Сергею и Владимиру Породниковым, Сергею Наумову, Максиму Боброву, Дмитрию Митину, Олегу Ворфоломееву, Леониду и Елене Линерам, Александру Семенюку и всем тем остальным, кто хоть раз проехал со мной долгой и небезопас-

ной дорогой под названием «транзитный перегон» и переживал все радости и неприятности на этом пути.

I

01:00, 7 ноября 1996, Чешско-Австрийская граница, 5 км западнее г. Микулов.

Туман. Тяжёлые холодные капли воды свисают с веток колючего куста шиповника без листьев и периодически падают мне на голову. Хотя дождя и нет, всё кругом пропитано водой и влажностью, которая лезет прямо до костей. Видимость метров пятнадцать, не больше, температура где-то около нуля, сыро, гнусно, короче, типичная погода для этих мест в ноябре – самое оно. Я лежу на боку в большой мелиорационной канаве, сам даже не зная, если ещё в её чешской или уже в австрийской части, и пью «Финляндию» из поллитровой пластиковой бутылочки, купленной в «Duty-free», не потому, что мне холодно и мокро (хотя и поэтому тоже), и не потому, что сегодня праздник очередной годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции (в такое время как-то рановато начинать отмечать даже для русского), а потому, что если при переходе меня всё-таки сцапают или чехи или австрияки – могу оправдываться тем, что, мол, был пьян и заблудился... хотя «отмазка», конечно, слабая, но один раз мне это всё же помогло...

Да, мне надо на ТУ сторону. При этом я не шпион, не мафиози и даже не нелегальный беженец – просто я перего-няю иномарки из Швейцарии в «совок», а для русского, ко-

торому за разные мелочи не ставят нужные визы, единственная дорога на запад – «зелёная граница», как её называют местные жители. Этот этап самый трудный: надо пролезть несколько километров через достаточно открытое пространство – пашню – до маленького лесочка на горе, на другой стороне, там ещё километра три лесом до деревушки с телефонной будкой, оттуда звоню «своему» чеху, он переезжает границу «пустой», потом где надо подбирает меня, в машине обычно переодеваюсь в приличные тряпки, пока мы едем в Вену на вокзал (вся операция максимум за 150 «грин»¹). Из Вены поездом до Брегенца у швейцарской границы, где меня перевозит друг-швейцарец в прекрасную страну Альп, шоколада и банков (на местных номерах они почти никогда не шмонают, главное правильно ответить на их локальном немецком диалекте, если что-то спросят, и не выглядеть нервным, а это я, к счастью, освоил). Короче, план уже до мелочей отработанный, реально помешать его осуществлению может только пограничная полиция и только здесь: после Вены шанс, что меня проконтролируют по дороге, 1 процент из 100.

Теперь только дожидаться, когда проедет джип австрийской жандармерии (чехи уже были минут пятнадцать назад) – они все ездят примерно раз в час-полтора – и тут же ломануться вперёд и уйти, чем дальше тем лучше, пока не поедет снова. Туман, тьма и тучи – мне только на руку... нам

---

¹ «Грин» – они же зелёные, они же баксы – слэнговые названия долларов США.

на руку...

...около меня лежит уже частично окоченевший Клим – кореш с детства, которого иногда беру с собой, если машин несколько. Клим имеет два хороших качества: классно водит автомобиль и не паникует по пустякам, короче, парень что надо для такой работы. Проблема в нелегальном передвижении за границей с ним только одна – как он умеет подобрать гардеробчик: в рыжей «обливной» дублёнке типично кавказского происхождения, сапогах на меху из магазина «Лейпциг» и вязаной шапочке-«петушок» он не то что за швейцарца, даже за болгарина не сойдёт. В таком прикиде его круглая добродушная физиономия даже чем-то напоминает герб Советского Союза, а самое страшное то, что он категорически отказывается весь этот ужас менять на более цивилизованную одежду. Короче, если перейдём здесь, Климу в Швейцарию дорога одна – в багажнике Йенсова бордового «Крайслера» (Йенс Шнитте – это наш швейцарский «связной», пожилой, но абсолютно классный мужик)...

Ещё ничего не видно, но из темноты уже доносится приближающееся рычание дизельного мотора, за пару секунд двумя размазанными лучами в тумане над канавой появляется свет фар, ещё полминуты – и на пригорок перед нами по узкой дорожке выползает «Опель-Фронтера» австрийской пограничной жандармерии. Остановился. Пощупал лучом фары-искателя окружающий густой туман и не спеша протарахтел в трёх метрах от нас, уезжая дальше.

Когда мы вылезли из укрытия и перебежали дорожку, от джипа осталось лишь мерное урчание дизеля, удаляющееся куда-то влево, вдоль границы, и красные пятна задних фонарей.

– Климентий, слышь, знач так: ориентируемся на столб света от заправки в Микулове – он должен быть всегда слева, впереди идём на свет деревни на австрийской стороне – вон то светлое пятно в небе. Идёшь всегда за мной метрах в двадцати, и если падаю, падай и ты, если побегу вбок – беги за мной, короче, понял?..

– Понял, понял, ты ж мне уже всё сказал и раньше...

– Если чё-нибудь не то, потеряешь меня, сцапают меня, просто что угодно – засеки тридцать минут, затарься где-то недалеко от места, где ты поймёшь, что меня нет, и жди. Ни в коем разе не ищи меня сам! Если за это время я за тобой не приду – вали обратно, чётко: деревня сзади, свет от заправки справа...

– Лады...

– Идём!

И мы побежали.

Мокрая распаханная глина быстро сделала ноги в три раза тяжелее, и через метров триста уже казалось, что силы на пределе. Сзади я слышал, как с присвистом тяжело дышит Клим, но не отстаёт. Направленные в небо крутящиеся прожекторы на приграничной чешской заправке давали классный ориентир в виде НЛО, видимый даже в такую погоду

на несколько километров, а свет из первой австрийской деревеньки Поттенхофен постепенно тоже становился всё отчётливее.

Ещё сто метров, ещё сто и ещё...

Пробежав кое-как ещё около километра, я, тяжело дыша, перешёл на шаг: в беге я никогда не был силен, благодаря искривлению носовой перегородки с детства, и в нормальной-то ситуации пробежать километр по асфальту в удобных кроссовках для меня был подвиг, не говоря уже о свежевспаханном поле... Сзади я услышал, как облегчённо сопит и мой спутник Клим.

Так мы шли молча, подворачивая в липкой грязи ноги и спотыкаясь, ещё минут двадцать, и я, задумавшись, не заметил, как уже отчётливо стали видны светящиеся фонари на улочках Поттенхофена, который мы должны были обогнуть справа, не входя в него.

Первая пограничная деревушка была из тех, где каждый знает всех остальных и где чужакам и делать-то, в общем, нечего. Короче, каждая незнакомая личность – уже сама по себе подозрительна. А местные по натуре стукачи все от мала до велика.

Через минуты три я увидел, как по дорожке на краю деревни проехал автомобиль и остановился прямо у кромки поля, по которому мы шли. Как бы ничего особенного... но в этот момент я уже почувствовал, что «что-то не так» и достаточно быстро сообразил, что вблизи деревни туман уже

начал рассеиваться, и теперь наши две фигуры, приближающиеся по открытому полю, были видны как на ладони в свете фонарей освещения, и те люди в машине наверняка сейчас смотрят прямо на меня.

А в два часа ночи, приближаясь по полю со стороны границы, я вряд ли похож на случайного пешехода. Ещё через секунду до меня также дошло, что и автомобиль, стоящий именно в это время и именно на этой дороге, тоже, скорее всего, не заблудившееся маршрутное такси...

«Так, если это полицаи, то почему сидят и не окрикнул меня хотя бы? Или думают, что сам приду?.. Наверняка кто-то из местных успел стукануть... Бессонница их, что ли, мучает... Не, были б полицаи, уже бы рыпались... С другой стороны, тут никому другому и делать нечего в это время...» — так я рассуждал, попадая в темп дыхания и спотыкаясь.

Мы продолжали идти вперёд как ни в чём не бывало. Я попытался рассмотреть стоящую машину, но расстояние и слепящие пятна фонарей мешали. Была легковая, комби, похоже, тёмного цвета...

С правого боку и сзади, с поля, по которому мы шли, вдруг послышался звук мотора, работающего на высоких оборотах. Я обернулся и увидел уже знакомую «Фронтеру», которая отрезала нам дорогу назад.

Теперь я понял, чего они ждали, но поздно...

Я резко повернул налево и побежал туда, где ещё плавали спасительные клочья тумана и темнота.

Когда под ногами вместо мягкой глины вдруг неожиданно оказалась ровная и твёрдая поверхность, я, спотыкнувшись, растянулся на том, что оказалось старой узкой асфальтовой дорожкой (такой эффект обычно бывает, когда в темноте идёшь по лестнице, а она неожиданно кончается...), ободрал руки и ударившись носом о её шершавое потрескавшееся покрытие.

Сразу вскочил на ноги опять и, матерясь и прихрамывая, понёсся дальше, что было сил.

Хотя я и переходил здесь границу не в первый раз, нельзя говорить о том, что хорошо знаю местность. Всегда только в темноте и только по проверенному маршруту, и только его я знал в действительности до сантиметра. Целую приграничную полосу при дневном свете я мог видеть только с чешской стороны и только её первый +/- километр. Обычно я обходил Поттенхофен справа и шёл дальше, а что находится с левой стороны от него, даже не представлял...

Бежал я что было сил, на слух контролируя сзади присутствие Клим. Как только они увидели, как мы ломанулись в сторону, и те в деревне, и те сзади, в джипе, включили свои синие мигалки. Легковушка двинулась параллельно полю, а джип, съехав с просёлочной дорожки, прямо за нами. Расстояние между нами и «Фронтерой» было около полукилометра, но и действительно хорошему внедорожнику по мокрой пашне ездить не фонтан, а «Опель-Фронтера» сам по себе, как джип, вообще очень далёк от идеала. Тем не ме-

нее нам, бегом, это было ещё хуже, и он постепенно приближался. Раза три я упал, вскочил и бежал вперёд, не разбирая дороги. Климку было легче: там, где наворачнулся я, он уже знал, что яма или ещё что-то, и смотрел под ноги. Последнее приземление было наихудшим: в темноте я не увидел очередной глубокий дренажный канал и, после одного шага в воздухе, пролетев метра два, приземлился прямо на грудь мордой в траву, явно в очередной раз разбив нос, но самое страшное было то, что мне абсолютно перебило дыхание, как будто сильным ударом кулака в солнечное сплетение...

Чисто по инерции я вылез из канавы, сделал ещё несколько шагов и упал на живот, кашляя и пытаюсь набрать в лёгкие хотя бы чуть-чуть воздуха. Наклонившемуся надо мной Климку я смог только махнуть рукой по направлению к показавшимся впереди тёмным кустам, и он побежал дальше.

Через несколько жутких секунд без кислорода и с выпученными глазами частично обновилось дыхание, но бежать уже было поздно. Я натянул рукава своей натовской цвета хаки куртки на руки, втиснулся в липкую глину и замер. Тёмно-синие джинсы «Levi's» и коричневые кожаные кроссовки, так же как и куртка, уже покрылись земляными пятнами и грязью, создавая естественный камуфляж – мою последнюю надежду. Нос болел и явно кровоточил, поэтому голову я приподнял, натянув на неё куртку. Это и приближающийся сзади свет фар автомобиля дали мне возможность достаточно подробно рассмотреть сегмент местности перед собой.

После канавы, в которую я так неудачно свалился, поле постепенно понижалось и, наверное, как результат всеобщей сырости и осенних дождей, буквально в паре шагов от меня, в низинке, начиналась огромная овальная, покрытая тонким протаявшим ледком лужа с берегами, состоящими из глинистой жижи и гнилой соломы. Мокрый и грязный лёд тускло поблёскивал в свете фар джипа, который, судя по урчанию мотора, сейчас остановился метрах в тридцати сзади от меня.

Легковушка на поле заехать не могла, и её мигалку я видел краем глаза справа на дороге, но на достаточно безопасном расстоянии. Я лежал прямо в свете фар, и, видимо, поэтому полицаи, даже не включая искатель, вылезли и сразу пошли ко мне. Я слышал, как хлопнули две двери, значит, их двое... Пока они молча приближались, я лихорадочно думал о том, что мне за всё это может быть.

«Ну, чёрный штамп в паспорт вклеят – он у меня уже и так есть, ну, пару дней подержат, потом депортируют в Чехию, откуда пришёл, ну штраф возьмут... Или потому, что уже далеко не в первый раз, могут и посадить на годик-другой... Баля... Этого ещё не хватало... Но стрелять-то точно не будут, даже если побегу, права не имеют, переход границы – это даже не уголовное, а административное правонарушение (это я узнал, пока сидел два дня в каталажке в Австрии, когда меня сцапали в марте прошлого года)...»

«...стрелять не будут... не будут... – завертелось в голо-

ве, – впереди эта лужа, “Фронтера” её точно не переедет, сядет на все сто, так что если побегу – есть фора во времени; пока они вернутся в машину, если будут это болото объезжать – тоже мне в плюс, а если и я в этой луже завязну, то всё равно ничего не теряю: что так, что так меня сцапают...»

Я резко вскочил и рванулся вперёд – гениальное, как потом оказалось, решение пришло в голову как-то само собой уже по дороге: добежав до лужи, я прыгнул «рыбкой» вперёд, животом на лёд, и стал отталкиваться руками, скользя по нему лёжа и слыша чертыхание на немецком языке, когда разозлившиеся жандармы побежали обратно к машине. Тонкий талый лёд трескался и давился под моим весом, но всё-таки кое-как держал, так как под ним была скорее всего не чистая вода, а всё та же жижа, и это помогло мне не провалиться. Так я благополучно переехал на пузе примерно десятиметровую поверхность лужи и, чавкая ногами в липкой грязи, вылез на противоположный берег.

Как я и предполагал, джип сначала разогнался прямо за мной, потом, оценив лужу сблизи, они попытались повернуть в объезд, но поздно: передок уже цепанул скользкую жидкую глину на краю, и тяжёлая машина, с летящими из-под бешено вращающихся колёс комьями грязи, боком поползла по пологому склону вниз – мои преследователи безнадёжно сели «на брюхо» в этом мокром дерьме.

Через пару минут, с трудом ловя дыхание, я влетел в спасительные кусты, обрамляющие неширокую лесополосу, где

меня сидя на корточках поджидал Клим.

– Круто, Лёха! Я уж думал, те конец! – начал радостно лопотать он. – Када они уж пошли, а ты там лежал так...

– Рано радуешься... – я обернулся на поле, освещаемое синими проблесками полицейского маячка и фарами завязшего джипа и подумал: «Этот без трактора уже не вылезет».

Хотя водитель раскачиванием взад-вперёд и пытался спасти ситуацию, эффект был явно обратный.

– Эту вот «Фронтеру»-то мы списали до завтра, это факт, но они теперь злые на нас, как собаки, увидишь... у них теперь вопрос чести нас сцапать... Тут де-то должна быть дорога асфальтовая на Оттенталь, её надо перелезть, пока не заблокировали, иначе мы в жопе... Оттенталь вон светит уже за лесополосой, кусты должны вести прямо к этой дороге... Они уж и чехам наверняка стуканули, так что обратно тоже нельзя... А как... – он осёкся.

Неожиданно прямо где-то совсем рядом появился свет и звук приближающегося автомобиля. Клим упал на землю, а я прижался к высокому мокрому пню, у которого сидел. Машина, казалось, вылетела из ниоткуда прямо на нас, и, проскочив буквально перед моим носом, снова растворилась в тумане и темноте, оставляя за собой только выхлопную гарь. В полном шоке я встал на колени, протянул руку вперёд и пощупал поверхность земли в метре от пня – это был асфальт! Кусты, в которых мы сидели, просто обрамляли невидимую в темноте дорогу, а реденькая лесополоса начиналась аж за

ней. В два прыжка я перелетел опасное открытое пространство и очутился в канаве на другой стороне. Когда одновременно появился следующий автомобиль и на меня сверху свалился Клим, я дёрнул его за рукав, и ещё через мгновение мы скатились за линию невысоких насаждений на противоположном берегу придорожной канавы.

Эта машина двигалась медленно, с обеих сторон из открытых окон лучи мощных фонарей прощупывали каждый сантиметр по бокам дороги. Редкие веточки без листьев и тонкие деревца, за которыми мы лежали, при близком рассмотрении уже не казались таким надёжным укрытием. С приближением автомобиля я видел, как жёлтый луч мощного фонаря без труда прорезает хилые придорожные кустики, и всё находящееся за ними становится видно как на ладони. Нет сомнений – это по нашу душу. Туман уже совсем поредел, и в отражающемся от облаков освещении двух недалёких деревень впереди показался большой холм, покрытый невысокой растительностью. Я повернулся к своему тёзке:

– Лёх, мы тут без шансов, надо валить дальше. Там, на тот холм... Видишь?..

– Засекут, Лёх, сразу, как встанем, засекут, близко очень.

– 70 на 30. А как останемся, засекут на все сто... Смори, какой у них прожектор, я те говорю: тут – без шансов, подь...

И мы опять побежали... Я, даже не оборачиваясь, понял, что нас засекли: мотор взревел, через мгновение его замедляющийся звук бы уже прямо за спиной, и я увидел впереди

свою тень в лучах света. Они что-то кричали, но я не слышал в шуме собственного дыхания.

По достаточно сухой невысокой траве мы быстро приблизились к подножию холма и, не останавливаясь, погрузились в покрывающие его густые колючие заросли, которые оказались практически непроходимыми. Пролезть можно было только лёжа и кое-где на коленях, материал куртки трещал и трескался, цепляясь за вездесущие шипы. Так медленно мы проползли примерно треть склона, и я в первый раз остановился, перевернулся на спину и поднял голову, чтобы посмотреть назад. Машина уже с включённой мигалкой стояла на том же месте, но нас явно никто не преследовал, два луча беспокойно ощупывали поверхность можжевельниково-шиповниковых джунглей, в которых мы находились, но явно безрезультатно. Пару раз свет скользнул, казалось, прямо по мне. Хотя кустарник был и низкий, но настолько густой, что давал нам абсолютно идеальное укрытие. Я решил передохнуть и сориентироваться.

«Судя по всему, мы на холме, за Оттенталем, его видно даже с чешской стороны, и он здесь один подобного размера», – я приблизительно вспомнил карту. От первоначальной цели, городка с жутким названием Вилдерндюрбах, откуда я должен был позвонить Вацлаву – чеху – и где он бы нас подобрал, мы удалились в другую сторону вдоль границы, на восток и вглубь австрийской территории. Всё, что я знал на данный момент, это то, что главная трасса «Брно –

Вена» была где-то слева от нас, километрах в пяти, и разумнее всего было идти в том направлении. Полицай наверняка того же мнения и устроят нам облаву на пути туда. Что там впереди, на холме и за холмом, я не знал. Тупик.

«Ничего, поживём – увидим. Единственный шанс – использовать вершину холма для ориентации».

Я тихо свистнул Климу, и мы поползли дальше вверх.

Достаточно скоро кусты поредели. Мы быстро достигли вершины, которая оказалось небольшой плоской поляной, поросшей редкими деревцами по краям. Где-то передо мной кусты неожиданно захрустели. Опять инстинктивно присев, я еле увернулся от не менее перепуганной косули, проскочившей мимо. На середине поляны очень кстати стояла охотничья вышка, видом с которой в другой ситуации я бы долго наслаждался.

Туман рассеялся, и все окружающие деревеньки были как на ладони, освещённые своими жёлтыми фонарями. Сзади, вдалеке, светила своими прожекторами в небо заправка на чешской стороне, иногда романтически выхватывая из темноты башни и стены средневекового Микуловского замка на горе, был виден и пограничный переход, белым неоновым светом заливающий автотрассу и прилегающее к ней озерцо, медленно ползли разноцветными змейками очереди грузовиков на переезд с обеих сторон... Впереди, за холмом, открывался вид на большой лесной массив, покрытый темнотой, а сзади, слева и справа от подножия холма, окрест-

ности заливали своим мигающим дискотечным светом пять или шесть снующих во всех направлениях полицейских машин. Единственное, что не радовало – «дискотека» была явно в нашу честь и так быстро не кончится; если до рассвета не оторвёмся – конец.

«Так, сами отсюда не выберемся, надо как-то дать знать Вацлаву, где мы», – в этот момент я мысленно проклял свою жадность: давно собирался завести мобильный телефон, да всё денег жалко было, а теперь бы как раз пригодился – без машины они нас как пить дать рано или поздно поймают, значит нужен телефон и чем быстрее – тем лучше.

Ближайшая деревенька светила где-то в четырёх километрах справа, но светила как жёлтым, так и синим светом нескольких полицейских машин, а откуда-то слева тоже пробивались слабые отблески фонарей, судя по которым деревушка была чуть дальше и состояла буквально из пары домиков.

– Климыч, смори, там слева светится что-то, скорее всего, какая-то задница из трёх домов, но в расчёте на западную цивилизацию, надеюсь, что будка там будет. Надо звякнуть чеху, без него не вылезем...

– Лёх, как скажешь, я те тут не советчик, идём знач идём...

– Да я в курсе, это просто мысли вслух – потребность индивидуума в коммуникации.

– Сам-то понял, чё сказал?..

На удивление, к своей цели мы доковыляли примерно за час, без лишних приключений, перейдя две дороги, на одной из которых стояли жандармы, но нас проворонили. Как я и предполагал, населённый пункт состоял из не более чем десятка домов и прилегающих хозпостроек, но – хвала Богу и цивилизованному западу! – на небольшом пяточке асфальта, который, видимо, являлся центральной площадью, стоял маленький костёл, автобусная остановка и, главное, телефонная будка. Всё было хорошо освещено. Кругом – ни души, и в домах везде тьма. Мы приблизились к большому сараю. Где-то близко пару раз лениво гавкнула какая-то сонная собака, но скорее для порядка, чем на нас. Время терять было нельзя, и я без лишних слов осторожно направился к будке, а Клим залёг в тени сарая, откуда был классный вид во все стороны и на небольшую площадь.

Я быстро набрал номер и на другом конце провода услышал знакомый голос:

– Халло...

– Это я, – начал я по-чешски.

– Алекс, где ты?! Что случилось? Я уже давно жду...

«Где я?..» – классный вопрос, если бы так знать, где. На чистых стенах телефонной будки не было никакой информации, из которой бы можно было понять её местонахождение. Пару визиток таксистов, объявление о богослужбе в Оттенале, распродажа ковров... номер телефона... Номер телефона в будке. Единственная зацепка.

– Слушай, мы тут попали в небольшие неприятности, попробуй нас вытащить...

Потом я кратко описал ему наши передвижения, описал площадь, на которой стою, будку, костёл и остановку автобуса, продиктовал телефон в будку – через международную справочную можно попытаться найти место. Вацлав задал ещё пару вопросов, явно положив перед собой карту, и тут же обнадёжил:

– Таких, как говоришь, деревни там только две, жди, если даже на границе помурывают, максимум за час буду.

– Давай, и не забудь нам чистую одежду: в таком виде, как есть, уедем до первого полицая.

– О'кей...

Не успел я положить трубку, как на дороге у края деревеньки нарисовался полицейский автомобиль – со включённой мигалкой, но без sireны он медленно въехал на маленькую площадь. Прятаться было поздно, поэтому я, собрав нервы в кулак, шатающейся походкой как будто бы пьяного человека как ни в чём не бывало вышел из будки и плюхнулся на лавочку под навесом остановки. Отработанным «пьяным» жестом высоко вскинул руку и глянул на часы, после чего повесил голову на грудь и исподлобья посмотрел на полицейский «Опель-Комби», скорее всего тот самый, что я видел ещё с поля у границы. Внутри сидели два человека и пристально наблюдали за моими движениями, но не останавливаясь, всё так же медленно машина катилась мимо меня

и автобусной остановки: явно не могли решить: я – тот кого они ищут, или просто запоздавший и явно перебравший спиртного гуляка, который только что вызвал по телефону такси и уселся его ждать? Я, призвав на помощь все свои театральные способности, вытащил из кармана сигареты, уронил их, поднял, потом, делая вид, что вообще игнорирую полицейский автомобиль, попробовал закурить и уронил зажигалку, потом повторил всё ещё раз и, в конце концов закурив, откинулся на стенку остановки. Я уже начал бояться, что переиграл, когда вдруг увидел, как они отвернулись, потеряв ко мне интерес, и, немного придав газу, поехали дальше. Пронесло!.. Но в любом случае оставаться на остановке на виду нельзя – полицаи наверняка скоро поедут обратно, а так как точно знают, что такси здесь и в такое время невозможно ждать более чем пятнадцать минут, во второй раз мне театр не поможет. Поэтому, подождав, когда они скрылись за поворотом, я встал и направился к сараю, за которым остался Клим.

Но ситуация опять изменилась гораздо раньше, чем я предполагал: неожиданно я увидел, что «Опель», развернувшись, на большой скорости возвращается назад. До сарая было ещё далеко, а на остановку обратно – поздно, единственным возможным вариантом спасения был небольшой ручеек, протекавший прямо под площадью. Думать было некогда и, перегнувшись через перила, я буквально свалился в него и влез под мост, скорее, можно сказать, в бетонную

трубу большого диаметра, проходившую под ним.

Глубина воды посередине была около полуметра. Как я ни старался раскорячиться и остаться частично сухим – не шло: мои ноги, скользя по покрытому мокрой слизью бетону, съезжали в обжигающе холодную воду. Смирившись с ситуацией, я замер, стоя по колено в жутко холодной воде под мостиком.

Очень скоро я услышал приехавший автомобиль, открылись двери, и жандармы, видимо, бегали вокруг остановки, потом, судя по их разговору, пошли осмотреть маленькую площадь. Один даже нагнулся и посмотрел на ручей – я видел его тень над перилами – но вниз, на моё счастье, не полез. Через некоторое время, явно ничего не найдя, они влезли в машину и начали говорить с кем-то по рации.

Прошло ещё полчаса, а машина всё ещё стояла прямо надо мной на мосту. Полицаи курили, тихо переговаривались между собой и иногда что-то коротко отвечали в хрипло попискивающую рацию. За это время я уже абсолютно окоченел и стал подумывать о том, что лучше: остаться пожизненным импотентом или приобрести воспаление чего-нибудь, стоя здесь в ледяной воде, или в конце концов сдаться и провести пару месяцев в тёплой и комфортабельной австрийской тюрьме без всякого риска для здоровья...

Неожиданно послышалось приближение другого автомобиля, который потом медленно проехал через площадь без остановки. Это, без сомнения, была старая красная «Аль-

фа-Ромео» Вацлава – звук её мотора с характерным присвистом изношенных приводных ремней и жестяное постукивание глушителя было сложно с чем-то перепутать.

Но как ему дать знать, что мы тут?! Вся надежда на то, что догадается сам по описанию и вернётся ещё позднее. Я постарался хотя бы чуть-чуть размять в воде замёрзшие ноги, не делая лишнего шума, как вдруг полицаи завели мотор и тоже неожиданно сорвались с места и укатили в ту же сторону, что и «Альфа». Подождав для верности ещё три-четыре минуты, я уже начал выбираться из своего укрытия, когда неожиданно на мост влетел и резко затормозил третий автомобиль.

Примерно минуту ничего не происходило, затем открылась дверь и я услышал как кто-то, судя по всему, говоря по мобильному телефону, описывает площадь, мост и ручей... Человек наверху говорил по-немецки, но с сильным акцентом – я сразу понял, что это точно не полицей. Наверху пикнул при выключении телефон, что-то зашуршало, и в ручей прямо передо мной плюхнулся тёмный целлофановый пакет.

Автомобиль сразу тронулся, завизжав резиной на полном газу, в ручей сверху посыпались камешки и песок, а пакет почти моментально пошёл ко дну – видимо, был тяжёлый. Буквально сразу после этого окрестности опять осветили мигалки и слышались скрипы тормозов, крики, сирена, а потом опять рёв моторов на предельных оборотах. Все эти звуки постепенно удалились, и опять стало тихо. Там, наверху,

происходило что-то, что явно не вписывалось в мои планы, если о каких-то планах в этот день вообще ещё можно было говорить...

Я нагнулся, опустил руку в ручей и, быстро нащупав под водой его скользкую пластиковую поверхность, вытащил пакет, даже не задумываясь о том, что делаю. Как только он оказался в моих руках, я сразу понял две вещи: внутри было несколько предметов – это раз, а два – одним из них был без сомнения достаточно большой пистолет, чёткий профиль которого я сразу почувствовал на ощупь – он наверняка и делал целый свёрток так тяжёлым.

Опять выждав пару минут в полной тишине, я, медленно переставляя мокрые окаменевшие ноги и трясаясь от холода, вылез из-под моста и, осматриваясь, направился к сараю, где должен был сидеть Клим. Кругом опять царило спокойствие. Ни души. Ни звука. Но в домиках уже начал зажигаться свет, я посмотрел на часы – уже почти шесть – в деревнях встают рано, так что наше положение ухудшается, хотя до полного рассвета ещё минимум два часа. Клим был на месте, и первое, что он сказал, глядя на меня, было:

– Я так и знал, что ты это вытащишь! Чё там?

– Пист-толет...

– Да ладно... Факт?!

– Фак-кт. Кт-то эт-то был-т-то?.. – у меня не попадал, как говорится, зуб на зуб.

Впервые за всё это время вспомнив о водке в кармане, я

вытащил пластиковую бутылку и сделал три больших глотка. Разливающееся внутри, как казалось, по всему телу, тепло сорокаградусного напитка частично возвращало меня к жизни.

Клим мне сообщил следующее: в то время, как я сидел под мостом, через площадь действительно проехал Вацлав, который, судя по всему, понял, что место, которое я описывал, именно здесь, но, увидев австрийских жандармов, не останавливаясь смылся. Жандармы почти сразу поехали за ним, может быть, что-то заподозрив. Потом на мосту появился большой тёмно-синий «БМВ» седьмой серии, и какой-то мужик выкинул вниз целлофановый пакет, перед этим наспех покидав в него вещи из «бардачка». Когда «БМВ» выезжал на дорогу, путь ему преградил другой приехавший полицейский автомобиль, из которого махали жезлом и требовали остановиться, но человек, выкинувший пакет, на полном газу обогнув их спереди, начал удирать, полицаи, понятное дело, пустились за ним.

Из всего этого явно следовало то, что или мы оказались в ненужное время в ненужном месте посередине какой-то полицейской акции, или человек в «БМВ», который тоже явно не был рад встрече с местными правоохранительными органами, попал под раздачу, пока ловили нас. Всё абсолютно запуталось. Мы не знали, что произошло с Вацлавом и вообще приедет ли он ещё, ситуация с «БМВ» тоже была как палка о двух концах: с одной стороны, если здесь что-то серьёзное,

то скоро кругом всё будет кишеть полицией, с другой – может быть, они, переключившись на этого неизвестного, оставят нас в покое... А может и нет...

Подумав обо всём этом, я решил немного прояснить ситуацию и, размотав полиэтиленовый свёрток, щёлкнул зажигалкой. Клим присвистнул: содержание было на уровне хорошего детективного фильма: никелированный пистолет, запасная полная обойма, семь пакетиков с белым порошком, который, дураку ясно, наверняка не будет сахарной пудрой, и документ, похоже паспорт, засунутый в презерватив и завязанный для защиты от воды – комплект.

Правда жизни иногда бывает круче любого боевика. Мы явно влипали всё больше во что-то совсем не то. «Только этого нам для полного счастья и не хватало!» – первой моей мыслью было собрать всё и кинуть обратно в ручей: хотя пистолет мне сразу и приглянулся, иметь дело с наркотой я не хотел. «Да, но выкинуть обратно – это значит пройти с пакетом в руках через площадь, на которую в любой момент может кто-то выйти или въехать, а если австрияки меня “примут” с таким набором, то разговор точно будет долгим...»

Пока я размышлял, Клим проковырял ногтём дырку в одном из мешочков и, попробовав содержимое на язык, радостно заявил:

– Лёх, это ж герыч! Чистый! Белый гер, знаешь скоко это стоит?! Пакетики похоже по пятьдесят, а их тут семь – тристапятьдесят грамм!.. Это ж состояние!

Не верить ему не было оснований. В наркоте мой тёзка и сосед разбирался, к сожалению, превосходно, потому что, как мы все во дворе догадывались, иногда по тиху «брал» и сам.

Ещё через четыре года это «баловство» приведёт его к полной зависимости, а потом и в гроб, но в тот день ни я, ни он этого ещё не знали...

* * *

– Ну и чё? Только не говори, что хочешь это взять...

– Лёх!.. Скоко мы с этих тачек наварим? Штуку? Две? Ну три! А тут токо вывезем и даже если дадим под цену, знаешь скоко светит?!

– А кому ты дашь?! Под цену... Умник, баля! Как вывезем??? Я лично с гером через границы не поеду! Ты ваще подумай, как отсюда-то вылезти... И без героина сцапают – мало не покажется!

В этот момент, как бы в подтверждение моих слов, по дороге мимо деревеньки проехала, мигая аварийкой, старенькая «Альфа» нашего чеха Вацлава под полным полицейским конвоем. Клим скис. Мне тоже было не до смеха – теперь наши шансы таяли с каждой секундой... Грязные и мокрые, в приграничной полосе, мы выглядели более чем подозрительно. При дневном свете далеко не доберёмся, тем более когда нас ищут по всем окрестностям. К тому же ещё не было

и денег – крупная сумма на покупку автомобилей была уже перекинута в Цюрих через банк из Чехии. С собой я деньги не носил на тот случай, если поймают при переходе и будут требовать, как обычно, гигантский штраф. В конце концов, не найдя ничего, кроме вонючих и мятых «железных» ста долларов, которые я всегда на всякий пожарный носил в носке, обычно злились, но отпускали и так.

Деньги на дорогу и чистая одежда – всё это было в приготовленной сумке на заднем сиденье красной «Альфа-Ромео», которую сейчас как раз наверняка прошмонали. Вацлаву в любом случае ничего не грозило – никакого криминала в сумке не было, а просто за недоказуемое подозрение в помощи в нелегальном переходе границы ему, конечно, австрияки мозги потрахают пару часов, но всё равно пустят где-то после обеда. Но нам-то это уже не поможет.

– А чё теперь?

– Не знаю, Климентий, чё теперь... Пословица «утро вечера мудренее» тут явно, баля, не к месту... – Я сгрёб мешочки с героином в обратно пакет и вытащил из него пистолет и завязанный презерватив. «Ствол» был хорош! Новенький никелированный чешский CZ-75, один из лучших европейских образцов, магазин на 16 патронов, калибр 9 мм, «Парабеллум» – одним словом, мечта идиота! Слабость к огнестрельному оружию провожала меня с самого детства, и поэтому я не мог не оценить красоту того, что держал сейчас в руках. Но, как бы в ответ на мою тираду о наркотиках, с пистолетом

меня «обломил» Клим:

– Чё, нравится, да? А чё если он «мокрый»? Может, этот перец в «БМВ» завалил из него кого-то, может и полиция! А это, Лёха, уже те даже не героин! Это, твою туда, покруче... Выкинь его нахрен куда-подальше... У тя ж в Чехии корешей полно, достанешь себе и сам... Выкинь...

– Хм... – сказать было нечего, он был прав.

Отложив «ствол», я разорвал тонкую резину и извлёк из презерватива документ, которым оказался хорватский паспорт на имя некоего Горана Благовича, 1962 года рождения. В паспорте лежало также и водительское удостоверение на него же, кредитка, техпаспорт от какого-то «Фиата» и сложенный лист бумаги. На листе от руки была нарисована примитивная схемка, в которой я без особого труда узнал план одной из близлежащих пограничных деревенок на чешской стороне – одной из тех, где я сам пару раз переходил. Примечательна она была, собственно, тем, что после войны граница каким-то нелепым стечением обстоятельств разделила её надвое, после чего чешская часть – Новый Преров – продолжала существовать до сих пор, а на австрийской стороне – Альт Прерау (Старый Преров) – со временем опустел и превратился в медленно разлагающиеся руины, лишь иногда, по каким-то церковным праздникам, бывшие жители или их родственники приезжали к местному маленькому костёлу и на старое кладбище прямо за ним.

Содержимое пакета явно говорило о том, что его, скорее

всего, не выкинули, а спрятали, и кто-то наверняка должен его отсюда забрать – тот кто-то, которому наш «мистер Х» на «БМВ» так подробно описал место, куда его бросил.

«Как долго могут оставить всё это лежать в ручье? Когда за этим приедут? Я бы на их месте постарался это сделать, во-первых, чем раньше, тем лучше, пока наспех сложенный пакет не протёк или его не нашёл кто-то другой, или, ещё хуже, полицаи, а во-вторых, не среди белого дня – с подобными вещами лишние свидетели не нужны. Если я прав, то наилучшее время – сегодня до рассвета, то есть в ближайшие два часа...» – в моей голове начал зарождаться план, который мог бы быть вполне достойным завершением этой сумасшедшей ночи. О последствиях в этот момент я не думал: главное было выбраться из этого опасного места, потом разберёмся, что к чему...

– Климентий, есть идея.

– Ну?..

– Баранки гну! Этот пакет – наш билет отсюда, они за ним точно приедут, сделаем «чендж»: мы им пакетик, а они нас отсюда до Вены отвезут и немного проспонсируют на новые шмотки. В городе потеряемся и кое-как перекантуемся, потом вызвоним Вашка или кого-то ещё из чехов, чтобы за нами приехали, а?..

– Ты чё, ёкнулся?! Это ж чистая авантюра! Кто «ОНИ»?! Ты ж даже не знаешь, с кем играем... Может, их там будет пять, или ваще две-три машины... – зашипел Клим.

– Маловероятно, толпой на такие дела не ездят, а к тому же не забывай, что у нас и «ствол» есть... А потом, мы с ними на одном корабле: всем надо отсюда быстро и тихо смыться, они ж тоже не идиоты, поймут кто мы такие... а русских тут все боятся! Главное, побольше самоуверенности – прорвёмся!

– Ты, твою туда... Я всегда знал, что ты отмороженный, но никогда не думал, что настолько! Как я понял, выбора у меня нет?..

– Ну почему же, Климушка, выбор он всегда есть, можешь, например, остаться тут и подождать чуда... Ты ж когда на это шёл, ты ж знал, чё всё может стать!.. Ладно, не злись, того, что попадём в такую задницу, никто не ожидал, терь надо выбираться, а мы во всём этом уже и так по уши, так что ничего не теряем...

Внутри сарая что-то загрохотало, и вскоре с другой стороны выехал огромный зелёный трактор с надписью «John Deere» через весь капот. Практически одновременно с этим на площади появились два автомобиля – чёрный джип «Мерседес» и режущий глаз своей неповторимостью розовый «Фольксваген-Жук» на широченных хромированных колёсах и с белым откидным верхом. Я сосредоточил свое внимание на двух короткостриженных амбалах, вылезших их джипа. Оба были в чёрных куртках «пилот» и голубых джинсах, выглядели как братья-близнецы. Типичные мафиози, как с картинки. Один остался у машины, а другой подошёл

к трактору и что-то закричал наверх, в кабину. «Отвлекает внимание!» – подумал я.

Тем временем из розового кабриолета вышла девушка в рыжей «косой» кожанке и вошла в телефонную будку.

«Мафиози» вернулся к джипу. Потом оба влезли в него и, развернувшись, поехали куда-то за сарай, трактор потахтел за ними... «Странно... я бы мог поспорить, что это они... или тракторист тоже?..»

Как только площадь снова опустела, девушка вышла и закурила, оперевшись о перила моста. При этом смотрела вниз! Теперь я ещё разглядел, что «Жук» был к тому же на немецких номерах. Клим тихо толкнул меня в бок:

– Лёх, она, по-моему, его ищет...

– Ё-моё! Этого ж быть не может! Ты мне хошь сказать, что она припёрлась за всем ЭТИМ в РОЗОВОМ кабриолете на немецких номерах, на который и просто так-то на улице только слепой не обернётся?! Бред, баля!.. В жизни не видел ничё более идиотского!

– Ну-ну... – Клим высморкался, а в это время она, как бы неловко повернувшись, уронила сумочку вниз, под мост, и, оглянувшись по сторонам, обошла перильца и направилась к ручью. – А это чё? Совпадение?

Прошло ещё три минуты. На то, чтобы вытащить что-то, что просто упало, более чем достаточно времени, но девушка всё ещё была внизу. Сомнений быть не могло: она искала ЭТО, всё сходилось, и каким бы глупым не казалось мне про-

исходящее, за пакетом приехала именно она. Времени было мало. Я, предварительно на всякий случай дослав патрон в патронник, засунул пистолет за пояс, кинул Климу пакет, и мы пошли к нелепому розовому «Фольксвагену». Подруга как раз обескураженно вылезла из-под моста и теперь, вытаращив глаза, замерла на краю асфальта, поняв, что мы направляемся к её машине – ничего другого на площади просто не было...

– Гут морген, фройляйн! – я, видя, что она в полном шоке, старался быть милым, насколько позволяла ситуация и мой внешний вид, и перешёл на ломаный немецкий. – Если вы искать это... – я дотронулся до пакета в руке Клима, – то мы это очень случайно найти чуть-чуть раньше вас, но если вы нас быстро отвезти до Вена, то мы вам это без проблем сразу дать... Мы тут тоже иметь проблема и очень-очень хотеть отсюда быстро-быстро уехать... Ферштейн? Я думать, что ваш друг, который вам позвонил по телефон и сказал, где это лежать, будет очень нехорошо, если это видеть полиция, если полиция видеть нас – это для нас тоже не хорошо... Так вы идти сюда, и мы отсюда сейчас вместе уехать... или всем нам будет нехорошо... Да?!.. – я очень старался, но она стояла, как примороженная и с приоткрытым ртом пялилась на меня. На дороге показался какой-то ещё автомобиль, а в домах уже всюду горел свет, чем ситуация начала осложняться. Поняв, что светский диалог может затянуться, а на это времени мы не имели, я просто вытащил пистолет и зашипел на

неё: – Шайсе!² Иди сюда, лезь в машину и едем! Ферштейн?! Или я стрелять, брать ключ и ехать сам! Но так я не хочу!

Это сработало лучше, и через секунду я сидел за рулём «Жука», она рядом, а Клим с пистолетом и свёртком на заднем сиденье. Мотор резво затарахтел, и розовый «Фольксваген» рванулся с места. За рулём я сразу почувствовал себя увереннее...

Прямо за деревенькой, которая, как я узнал из таблички на её конце, оказывается называлась Штютценхофен, стоял полицейский пикет и выборочно проверял проезжающие автомобили. К счастью, наш клоунский «Жук» вызвал у них только улыбку, и мы благополучно проехали мимо.

Через каких-то полчаса уже показались предместья Вены. Мы оторвались и были в безопасности. Я повернул направо, на маленькую пустынную парковку возле проходной какого-то промышленного предприятия, затормозил и повернулся к нашей спутнице, которая всю дорогу сидела без движения, не проронив ни слова.

«Очень даже ничего!..» – пронеслось в голове, как только я впервые посмотрел на неё вблизи и в спокойной обстановке: стройненькая, где-то метр семьдесят, волосы цвета красного дерева подстрижены в ровное каре, серо-зелёные глаза, длинные, красиво накрашенные ресницы, правильные черты лица, чуть подчёркнутые косметикой. На вид года 22-23. Благодаря коротенькой жёлтой замшевой юбке было видно

---

² Дерьмо! (нем.)

и то, что с ногами тоже нет проблем, а обтягивающая водолазка в разрезе полурасстёгнутой кожаной куртки давала прекрасную возможность оценить небольшую, но высокую и пропорциональную стройной фигуре грудь... «...совсем, совсем не плохо!...»

– Как тебя зовут? – я уже абсолютно успокоился и старательно подбирал и произносил немецкие слова.

– Катя... – Она посмотрела на меня и тихо спросила: – Что... что будет дальше?..

– Послушай, Катя... Красивое немецкое имя... Э-э... Мне очень жаль, что мы должны были таким способом тебя похитить... но в той ситуации не было времени на разговор... а теперь, теперь мы все, в общем-то, в безопасности – и ты, и мы...

– Я – в безопасности?!

– Подожди... Нам надо было только перейти границу и подальше от неё уехать, вот и всё... А этот твой героин и пистолет мы нашли абсолютно случайно, и вообще будь рада, что мы, а не жандармы и... – в этот момент я увидел, как у неё округлились глаза, и дрожащими губами она прошептала:

– Какой героин?.. Какой пистолет?.. Ничего не понимаю... Кто вы такие?..

– Кто мы такие? Ха! Для начала будь рада, что мы не полицаи! – я начал злиться. – Не играй тут комедию... Ты приехала за этим мешком, полезла под мост его искать, и только

не говори тут, что не знаешь, что в нём лежало!..

– Какой... героин?... – в этот момент её нервы, видимо, сдали, и по щекам потекли слёзы, оставляя за собой дорожки размазанной туши. – Я не знаю ни о каком героине... Чёрт...

Я, конечно не психолог, но её эмоции выглядели достаточно правдоподобно. Сзади на меня вопросительно глядел Клим.

– Послушай, – я продолжил, – мне в принципе нет никакого дела до твоих проблем с этими наркотиками и Бог весть чем ещё... Театр играй в другом месте... Как сказал, я тебе дам то, за чем ты лезла под мост, скажем так, а за это от тебя нам нужна небольшая услуга по транспортировке нас в город и небольшое количество денег, чтобы мы могли поменять одежду – в таком виде по Вене прогуливаться мы не можем... Скажем, три-четыре тысячи шиллингов вполне хватит, а учитывая... хм... содержимое твоего пакетика, думаю, что сумма не стоит за разговор... Как?.. Идёт?

– Я не знаю ничего о наркотиках... А денег... у меня денег столько тоже нет... – Слёзы потекли ещё сильнее, а руки у неё начали дрожать.

Нет, она явно не играла! Теперь уже испугался я: «Неужели мы ошиблись? Неужели я, к чёрту, с пистолетом в руке, взял в заложники невинного человека?! Чёрт, чёрт, чёрт, ба-ля!.. Тогда мы попали!.. Если даже я извинюсь и просто отпущу её, она тут же, наверняка, пойдёт в полицию, и нам крышка, а возить с собой по городу похищенную девчонку в

этом невозможном розовом кабриолете, да ещё со всем тем, что у нас есть... Чёрт!...»

– Послушай... – я старался говорить как можно спокойнее, потому что женская истерика, на грани которой она, похоже, уже была, это то, что нам сейчас было нужно меньше всего. Вокруг начинали ходить люди, а экстравагантный «Жук», без сомнения, привлекал внимание. – Главное, пойми: мы тебе ничего плохого не сделаем... Давай-ка ещё раз по порядку: мы сейчас отъедем куда-нибудь в сторонку и поговорим, просто поговорим, не бойся, пожалуйста... Просто, сама видишь, свидетелей много нам не надо... – Я кивнул на оборачивающихся любопытных пешеходов, включил первую передачу и медленно выехал обратно на дорогу.

Через пару километров я увидел большую стоянку перед каким-то супермаркетом и повернул на неё: лучше всего затеряться среди множества автомобилей, чем стоять где-то на отшибе, да и она наверняка тут будет поспокойнее, чем если бы я её завёз куда-то в лес.

– Так, Катя, значит, о наркотиках ты ничего не знаешь, о пистолете, предполагаю, тоже...

Она уже перестала плакать и, казалось, немного успокоилась. Я, обернувшись назад, извлёк из пакета паспорт и, глядя в него, продолжал:

– И ни с каким мистером Гораном Благовичем из Хорватии, предполагаю, ты тоже не знакома? – я развернул паспорт с фотографией так, чтобы девушка могла её увидеть.

– А где карта? – вдруг неожиданно спросила она, к тому же, судя по реакции, человека на фотке тоже узнала.

«Ну, слава тебе, Господи! Так всё-таки мы не ошиблись!» – камень свалился у меня с души. Я вытащил из кармана маленькую схемку, что была в паспорте:

– Эта?

Она кивнула и протянула руку, чтобы взять лист бумаги, но я быстро спрятал его обратно под куртку.

– Но-но-но!.. Так что же, Катя, за пакетиком приехала всё-таки ты? Я рад, что мы не ошиблись. – Одновременно я подумал: «Что же там такое на этой схемке, что это для неё это явно важнее трёхсот пятидесяти грамм чистого героина, «ствола» и т. д.?». – Повторяю ещё раз: мне нет дела до вещей в этом пакете, наркота это или карта, я тебе отдам ВСЁ вместе, и этот пистолет, кстати, тоже твой... Но на условиях, которые уже сказал, идёт?..

– Отвезу вас куда хотите, но денег у меня таких с собой нет. С этим героином и всем остальным делайте тоже что хотите, мне дайте только эту карту и всё, она моя. В полицию не пойду, не беспокойтесь... – Она, казалось, уже снова держала себя в руках.

– Подожди, подожди... – такого поворота я совсем не ожидал. – Мне чужого добра не надо, а с этим и вообще не хочу иметь ничего общего, а к тому же твой друг, этот Горан или как его там, тебя за это явно по головке не погладит... Тут товар на хороших пару тысяч долларов и ещё несколько

вещей, которые ему явно небезразличны...

– Шайсе! Эта свинья меня так подставила! Я не знаю ничего ни о его наркотиках, ни о вас, ни обо всём остальном!.. Он меня просто попросил там это взять и... зачем я только связалась... Этот кретин!..

– Ну... С этим разберёшься как-нибудь потом, а сейчас, извини, когда мы так хорошо поняли друг друга, думаю, что нам остаётся просто помочь друг другу взаимно и мирно разойтись... Кредитная карта у тебя есть?

– Да...

– Хорошо. Вот видишь, всегда есть выход: кредитная карта – запад, сладкий запад!.. Просто купишь каждому штаны и какой-то свитерок, Карден нам не нужен, просто что-то, чтобы не бросаться в глаза... А мне ещё сухие носки и какие-нибудь ботинки...

– А где гарантия, что потом вы меня просто отпустите? – она, открыв зеркало в солнечном козырьке, утёрла бумажным носовым платком растёкшуюся тушь.

– Гарантии нету, но если бы мы что-то против тебя имели, то, согласишься, ты бы уже давно тут не сидела, а я бы не тратил столько сил на разговоры. В данный момент, Катя, ситуация такова, что мы просто нужны друг другу... В мои планы на сегодня, поверь, это всё тоже не входило, и чем раньше эта история закончится, тем лучше для нас всех...

– Пусти меня за руль, машина всё-таки моя...

Я, поколебавшись, вылез и обошёл «Фольксваген» с дру-

гой стороны, а она проскользнула на водительское сиденье.

Вену Катя явно знала хорошо: через минут пятнадцать мы оказались на гигантском складе «сэконд хэнд» шмоток.

– Ты, как я смотрю, особо раскошелиться не собираешься, – обернулся я к ней, когда мы вошли вовнутрь.

– Сам сказал, что Карден вам не нужен, денег у меня и на карте много нет, а к тому же в приличном месте в таком засранном виде, думаю, что вас бы быстро вычислили... А тут всем наплевать, – она уже окончательно пришла в форму и вела себя уверенно и даже удивительно спокойно.

Сказать нечего, она была права: между длинными рядами вешалок, полок и контейнеров с «бэушным» барахлом ничего не было, а на входе на нас никто даже не обратил внимания – видимо, мы вполне подошли обычным клиентам этого заведения. «Умненькая, однако!» – отметил я мысленно.

Через полчаса мы вышли наружу, полностью экипированные во всё чистое, «новое», а главное – сухое. Грязная одежда была сложена в купленный здесь же большой армейский рюкзак, а Клим, насколько это было возможно, улучшил свой имидж. Теперь мы оба были как из инкубатора: в потёртых голубых джинсах, одинаковых пуховых безрукавках и балахонах «fleese» с разными лыжными надписями. А я ещё «намыл» себе стильные оранжевые кеды «Конверс», видимо, 70-х годов. Звонить чехам уже не было нужды, и поэтому мы поехали сразу на вокзал.

На венском Западном вокзале я положил пакет со всем

первоначальным содержимым в автоматическую камеру хранения под шифром года своего рождения – 1972, – а карту вернул, как и обещал, Кате. Шифр к камере, написанный на клочке бумаги, тоже дал ей и сказал:

– Как видишь, слово держим, а с этим, – я ткнул пальцем в написанный шифр, – поступай как знаешь, можешь выкинуть, можешь оставить себе, можешь передать своему хорвату или кто он там такой...

– Вчера я ещё думала, что итальянец...

– Хм! Всякое бывает... Короче, теперь это твоя проблема, а нам ты сейчас купишь два билета второго класса до Брегенца, и... будем прощаться... – я посмотрел на неё. – Мне очень жаль, что так всё вышло, поверь... А... а если дашь свои координаты, то я бы тебе твои деньги с удовольствием вернул... Понимаешь?..

– В чудеса не верю, – она впервые улыбнулась и вдруг неожиданно предложила: – Я сейчас еду домой, в Ганновер, так что могу вас прокатить, как минимум до Линца нам всё равно по пути, а этим и частично сэконоблю, как я понимаю, себе самой, денежки на ваши билеты...

Я, естественно, быстро согласился, и через пару минут мы опять сидели в розовом кабриолете. На этот раз все вместе абсолютно добровольно и в уже не напряжённой, чуть ли не дружеской обстановке. Эта Катя начинала мне нравиться всё больше и больше... Данный факт заметил даже флегматичный Клим:

– Чё, Лёх, нравится тёлка-то? – он усмехнулся, ёрзая на заднем сиденье. – Ты только не влюбляйся нам тут опять, а то у тебя, я ж знаю, это быстро...

– Да ладно те...

– А чё, я ж сразу заметил, как ты на неё пялился, да я бы на твоём месте тоже, если б язык знал...

– К счастью, не знаешь...

– Не, я в натуре... Она ничё... Клёвая...

Было уже около девяти, когда, продравшись сквозь обычные пробки утренней Вены, розовый «Фольксваген» наконец-то вырвался на кольцевую объездную трассу австрийской столицы, а с неё, повернув под огромный указатель «Линц – Зальцбург – Мюнхен», на автобан Е60, в западном направлении. Через пару километров Катя повернула к сине-зелёной заправке «OMV» и запарковала перед входом:

– Хочу есть... вы как?

Два раза предлагать не надо было, и очень скоро мы сидели в небольшом кафе, попивая горячий бодрящий кофе с бутербродами, естественно, за её счёт – девчонка оказалась просто золотая! Хотя я до сих пор не мог понять, почему она всё это делает – может быть, как говорят, совместно пережитая опасность сближает... Я протянул ей руку, с опозданием поняв, что мы во всей этой суматохе забыли даже представиться:

– Алекс, а он, – я кивнул на Клима, – тоже Алекс.

– Очень приятно, Катя... – она пожала нам обоим руки. –

Поляки?... Русские? Югославы? Мафия?..

– Русские... Из Москвы... И никакая не мафия, машины из Швейцарии гоняем, а с визами проблема – вот и лазим через границы, как партизаны... Что касается мафии – это скорее к тебе: я как этот мешочек открыл, так и подумал, что, мол, влипли мы в какую-то мафиозную игру...

– Я... Я об этом правда ничего не знала, клянусь, мне надо было там найти одно место, у границ где-то, а Джино сказал, что там всё очень хорошо знает, и что у него там какие-то ещё свои дела, и что всё найдёт, а потом просто позвонил мне ни свет ни заря, про мешок какой-то говорил, что не хочет просто проблем с полицией, какую-то ерунду нёс, что ничего страшного, но просто он бы не хотел, чтобы у него нашли какое-то порно... Да и про пистолет этот теперь тоже вспоминаю, что-то говорил, мол, разрешение на него забыл дома, в Германии, или так, что-то, а о героине, свинья, ни словом не обмолвился...

– Джино этот... Он же Горан, или как?... Это приятель твой?..

– Нет, его все называют «Джино», он говорил, что итальянец, он, я же говорю, просто узнал, что мне сюда надо, к чешским границам, и сам предложил помощь... Он у нас в пиццерии поваром работал когда-то, а сейчас не знаю, что делает... То есть теперь уже догадываюсь... А я просто болтала много чего не надо... Вот так... А друг твой почему молчит всё время?

– Не говорит по-немецки, а ты, как я предполагаю, по-русски, так что придётся общаться только со мной.

Мы доели и вышли на парковку.

– Кстати, Катя, а этот твой Джино нашёл там то, что ты хотела?

– Когда звонил, сказал, что нет... А что?

– Если это, то что ищешь, на той твоей нарисованной схемке, или карте, как ты её называешь, то я знаю, где это место абсолютно точно, я его сразу узнал, так что... если бы...

– Нет-нет, ерунда это всё, забудь... – быстро прервала меня она. – Уже не хочу об этом и слышать! Поехали...

Я пожал плечами. В её глазах точно промелькнула какая-то искра, когда я сказал, что знаю, где это, но в конце концов это её дело... Хотя ещё в Вене было ясно, что схемка эта, видимо, какую-то ценность имеет, раз она о ней так переживала... Я попытался вспомнить рисунок. Богом забытая деревенька Преров: половина в Чехии – половина в Австрии, граница, костёл, речушка, какие-то крестики, пара чисел на краю... Чёрт, интригующе, как будто какой-то клад или что-то типа того... Ну ладно, на сегодня приключений было более, чем достаточно!.. Хрен с ним, с кладом!

Через два с чем-то часа Катин «Жук» затормозил перед железнодорожным вокзалом в Линце. Она, как мы договорились, купила нам два билета на «Интерсити-экспресс» до швейцарских границ. Мы подали друг другу руки и попрощались. Неожиданно она вытащила из сумочки маленькую

бумажку, что-то на ней написала и протянула мне:

– На тот случай, если чудо всё-таки случится: вы мне должны восемь тысяч шестьсот шиллингов... Для меня это много денег... Счастливого пути, – она быстро развернулась и пошла к выходу.

Я провожал её красивую фигуру и точёные ровные ноги взглядом до самых дверей вокзала, волосы в каре красиво переливались, колыхаясь в ритм шагов, коротенькая обтягивающая юбка подчёркивала каждое движение бёдер. В самом конце зала она обернулась на секунду и помахала мне рукой.

На жёлтом листочке было написано: «Katja Stoll, Edenstrasse 8, Hannover, Deutschland» (Катя Штолль, Еденштрассе 8, Ганновер, Германия). В этот момент я уже понял, что из Швейцарии, видимо, поеду прямо в город Ганновер... Клим был прав...

II

04:50, 18 апреля 1945, Судеты³, примерно 80 км севернее от Вены.

В небе на востоке уже показались первые розовые проблески зарождающегося рассвета, и птицы, первыми почувствовав приближение солнца, начали петь свои бесконечные серенады, радуясь концу ещё достаточно холодной апрельской ночи и скорому приходу нового дня. Природа здесь не знала, что такое война. В воздухе висело приятное ощущение утренней свежести и приближающегося с рассветом тепла. Над небольшим озерцом у дороги плавал густой белый пар или, может быть, туман... Как будто какое-то маленькое облако спустилось с неба вниз, чтобы переждать здесь ночь, а потом, с рассветом, снова возвратиться на своё место между землёй и солнцем... Зеркальную поверхность воды лишь иногда то тут то там пересекали медленно расходящиеся в

---

³ Название, часто используемое для всех территорий бывшей Австро-Венгрии, а потом Чехословакии, присоединённых к Германии по Мюнхенскому договору 1938 года, хотя непосредственно эти места и не входили в состав созданной таким образом немецкой федеральной земли Судеты (Sudetenland), а были записаны в состав соседней изначально австрийской земли Нижний Дунай (Nieder Donau). Также, в отличие от северных судетских земель, более чем на 90 % этнически немецких, здесь на юге население было часто смешанным, чешско-немецким. В 1945-47 гг. всё немецкое население этих территорий, известных под обобщённым названием «Судеты», было насильственно изгнано.

стороны круги от всплеска выскочившей рыбёшки...

Небольшая колонна, с выключенными фарами появившаяся с севера, остановилась у озера перед показавшейся впереди, в темноте, ещё спящей деревней. Из головного грузовика вылез человек и подошёл к возглавлявшему колонну мотоциклу, водитель которого сейчас, только что заглушив мотор, напряжённо всматривался в неясные очертания построек впереди.

– Что, приехали?.. – заговорил он по-немецки, обращаясь к мотоциклисту.

– Приехать-то приехали... – мотоциклист закурил, привычно пряча тлеющий конец сигареты в кулаке. – Теперь надо только понять, если мы приехали раньше них...

– Там слишком тихо... Сам знаешь, какой бардак обычно делают, когда придут... Не похоже на них, слишком тихо...

– Или засада...

– Вряд ли, здесь у них или уже тыл, или это всё ещё ничья земля... В любом случае, нас здесь никто ждать не будет, они уже не воюют, просто едут дальше... – в голосе слышалась горькая ирония.

Сзади, со стороны грузовика, к ним приближался кто-то третий. Мотоциклист, увидев это, быстро двумя пальцами загасил сигарету и бросил окурочок под ноги:

– Герр оберштурмфюрер⁴?..

---

⁴ Оберштурмфюрер – офицерское звание ваффен-СС, примерно соответствующее армейскому старшему лейтенанту.

– Перестань, Янке, – тот, кого называли «герр оберштурмфюрер», махнул рукой и, сняв с головы камуфлированную кепку, запустил пятерню в свои взъерошенные светлые волосы. Он был, даже судя по голосу, намного младше мотоциклиста. – Говорил же тебе, что можешь называть меня по имени. Что там?..

– Тихо, герр оберштурмфюрер...

– Ещё раз: Александр.

– Александр... Да... Тихо... Думаю, что их там нет.

– Твой дом где?

– С другой стороны деревни, отсюда не увидим, если разрешите, я возьму Крошку и вот, Майера, – мотоциклист кивнул на своего первого собеседника, – и пойду, там... осмотрюсь, что и как.

– Идите... Мы займём позиции слева на том холме, там, похоже, есть хоть какая-то растительность, а то скоро уже рассвет, а мы тут как на ладони.

– Под холмом, вон там, те низкие постройки, – Янке протянул руку в направлении небольшой покрытой лесом возвышенности. Где-то за ней там, слева, на востоке, как раз зарождалась розово-оранжевая утренняя заря. – Это винные погреба, к ним ведёт грунтовка, съезд где-то метрах в ста впереди, за ними можно спрятать машины, и для обороны, если что, тоже удобно...

Оберштурмфюрер старательно всматривался в подножие холма, но не видел ничего, кроме густой темноты... Мото-

циклист Янке, скорее всего, тоже не мог ничего физически разглядеть, просто точно знал, что там находится, и поэтому «видел», или, может быть, имел какое-то второе, кошачье зрение. Тем не менее, не было оснований ему не верить – впереди лежащая деревенька была его родным домом.

Пока молодой офицер, напрягая глаза, безуспешно всматривался в кромешную тьму, Янке и Майер, тоже местный житель из какой-то деревушки где-то по соседству и друг мотоциклиста с детства, вернулись назад, к колонне, и один из них тихо позвал, подойдя сзади к крытому брезентом грузовику: «Крошка... Крошка... Вылезай, приехали, идём на прогулку!». Внутри слышался какой-то шорох, и через пару секунд на пыльную дорогу прыгнул огромный широкоплечий детина не менее двух метров ростом. Оправив свою пятнистую маскировочную куртку, он потянулся рукой куда-то в кузов машины, откуда сначала вытащил каску, покрытую таким же пятнистым чехлом, и водрузил её себе на голову, а потом, явно безо всякого напряжения, вынул и ручной пулемёт «МГ-42» со свисающей из него лентой, который в его огромных лапах казался просто детской игрушкой.

– Где это мы? – спросил он, протирая кулаком заспанные глаза.

– Да вот, Йозеф нас зовёт к себе на кофе... – Майер, усмехнувшись, кивнул на мотоциклиста. – Причешись и не забудь прихватить цветы для его жены и сладости его детям.

– Значит, уже приехали... А если «иваны» уже там?

– Это и есть цель прогулки: осмотримся, что и как.

– И оставь пулемёт, с этими лентами и всем остальным только грохотать там будешь, – отозвался Янке. – Возьми что-нибудь поминиатюрнее.

– Не оставлю, – засопел Крошка. – Если там никого нет, то и грохот не помешает, а если нарвёмся, будешь только рад, что он у нас есть!

– А-а... – Янке махнул рукой: спорить с этим упрямым медведем, да ещё и явно сварливым спросонья, ему не хотелось. К тому же все знали, как Крошка любит свой пулемёт. Благодаря своей от природы невероятной силе он был одним из немногих, кто умел стрелять из него от бедра, на бегу и из всех остальных возможных и невозможных позиций, причём не просто стрелять, а стрелять очень точно. Короче, если бы-вают виртуозы в обращении с музыкальными инструментами, то Крошка был виртуозом в обращении с «МГ-42», чем не раз спасал шкуру целому взводу, особенно в последнее время, когда они только и делали, что отступали. Все отходили, а он всегда их крыл... Ему даже уже никто не приказывал – командирам просто совесть не позволяла всё время оставлять именно его практически на верную смерть, но всё равно, если «дело было плохо» – этот двухметровый бывший моряк из Кёнигсберга всегда был взводным «ангелом-хранителем», если, конечно, вообще можно употреблять слово «ангел» в отношении человека с пулемётом в руках, «ангельским» посланием которого было убийство других людей де-

сятками или, может быть, даже сотнями...

После того, как зимой, перед Рождеством, сорок первого, британская авиация потопила в Северном море миноносец, на котором он служил, любитель приключений и прирождённый авантюрист Крошка через пару недель добровольно вступил в войска СС и после быстрой трёхмесячной подготовки по пехотной программе в апреле был отправлен на Восточный фронт. Никто не представлял себе, сколько всего людей он «положил» за эти три года из своего пулемёта, зато все точно знали, что в рукопашных схватках голыми руками или ножом на обоих – Восточном и Западном – фронтах записал на свой счёт уже более десяти, и сейчас на его кителе под камуфлированной курткой гордо красовалась практически полная коллекция боевых наград Третьего рейха, которые только мог получить член рядового состава...

Его настоящее имя было Хорст Завацки, и он любил воевать, видимо, это было его призванием, а самое интересное было то, что видимо и какой-то бог войны тоже любил Хорста, потому что за эти кошмарные три года, после участия во всевозможных головоломных операциях и десятках рукопашных боёв, при том, что его огромная фигура была, казалось бы, идеальной мишенью, он ни разу не был не то что ранен – он не получил ни царапины, не простудился и даже не схватил обычную на русском фронте дизентерию...

– Как хочешь, Хорсте, но тогда иди чуть сзади, крой нас, если что...

– Иди первый, Йозефе, – Майер взял из кабины грузовика свою матово-чёрную штурмовую винтовку и засунул в неё полный магазин⁵, – ты здесь дома, я – чуть сзади, Крошка – замыкающий...

Они пошли вперёд по дороге, офицер, оседлав мотоцикл, поехал вслед на границе видимости, а сзади за ним медленно тронулась и вся колонна. Где-то метров через сто, как и говорил Янке, показался еле заметный поворот налево, на узкую грунтовую дорогу. Они передали жест по короткой цепочке Крошке, а тот, как последний, махнул рукой в левую сторону офицеру на мотоцикле. Сигнал был принят, и колонна медленно съехала с дороги, растворяясь во тьме.

Скоро они минули небольшую табличку у края дороги, обозначающую название населённого пункта, надпись гласила: «PRERAU. Herzlich willkommen!»⁶.

В полном молчании троица приблизилась к первому дому. Тишина. Во всех окнах темнота. Вся деревня была со-

---

⁵ Здесь имеется ввиду образец «StG-43/44», массово поступавший на вооружение немецкой армии с 1944 года, часто объявляемый как дизайнерский прототип будущего всемирно известного автомата Калашникова и, в действительности, практически первый серийно выпускавшийся «праотец» всего дальнейшего развития автоматического стрелкового оружия пехоты. С него, собственно, точнее с перевода его немецкого названия Sturmgewehr – штурмовая винтовка, и начался этот класс стрелкового вооружения, являющийся сейчас стандартным во всех армиях мира.

⁶ «Прерау. Добро пожаловать!» – и сегодня часто встречающийся «улучшенный» вариант дорожного знака на въезде в населённый пункт в немецкоговорящих странах.

средоточена вдоль дороги, которая и являлась единственной главной улицей, выложенной камнем, а так как была ровной, то с одного конца деревеньки был практически виден другой. О присутствии каких-либо военных частей говорило бы прежде всего наличие транспортных средств – автомобилей, грузовиков, танков или хотя бы повозок, – но улица была абсолютно пустынна. Никаких постов, никаких машин, всюду темнота и над ратушей – небольшим домом правления местной общины – тоже ничего не было видно: все знали, что русские, куда бы ни пришли, всюду вывешивали свои красные флаги... Подойдя к стене, Янке остановился и подождал Крошку и Майера.

– Кажется, чисто, но лучше всё-таки обойдём сбоку... Теперь не отставайте, пойдём след в след, – он передёрнул затвор автомата и, пригнувшись, побежал влево, вдоль стены дома.

Где-то близко залаяла собака, и остальные деревенские псы, подхватив, начали перекличку. Все трое присели и замерли у какого-то забора. Вскоре лай начал утихать, не вызвав никакой видимой реакции в деревне. Янке поднялся первым, и они продолжили осторожное движение. Пройдя задними ещё несколько дворов, он свернул за большой сарай и перескочил через невысокую плетёную изгородь. Вдруг откуда-то неожиданно с рыком выскочила огромная овчарка, но, приблизившись к нему, она вдруг завиляла хвостом и радостно встала на задние лапы, передними оперевшись в

грудь человека, который в такой позиции казался почти одинакового с ней роста. Янке потрепал её лохматую шею:

– Грето!.. Гретхен! Ты меня узнала, девочка моя! Гретхен!.. Но, но, но... Гретхен, подожди... – Собака, бешено виляя хвостом, лизала его в лицо, не обращая внимания на подошедших сзади Майера и Крошку. Янке обернулся: – Это моя Гретхен! Смотрите, помнит меня!

– Йозефе! Если в этом доме есть чем прокормить такую лошадь, то надеюсь, что найдётся что-нибудь и для нас, – ухмыльнулся двухметровый верзила.

Янке подошёл к окошку на задней стене большого дома и, тихо постучав, присел, направив ствол своего трофейного советского «ППШ» снизу к окну. Его спутники с оттренированным автоматизмом бывалых солдат заняли на всякий случай боевую позицию: Майер, спрятавшись за поленницу, держал под прицелом своего автомата подступы сзади, а Крошка, стоя к нему спиной, взял под контроль угол дома, внутренний двор и ворота наружу.

Изнутри никто не отзывался. Янке, не вставая, постучал ещё раз, но теперь уже прямо стволом оружия. Что-то зашуршало в доме, и в приоткрытом окне появилось взволнованное лицо молодой женщины:

– Кто там?

– Марта...

– Йозефе!.. – женщина высунулась из окна, не понимая, откуда слышит знакомый голос.

– Я здесь, Марта... – Янке поднялся. – Я здесь.

Через какое-то мгновение задняя дверь дома распахнулась, и белокурая женщина в ночной рубашке выбежала во двор.

– Йозефе! – она бросилась ему на шею. – Йозефе... Ты... Йозефе... – уже слышались только всхлипывания радостного плача. Овчарка стояла рядом, всё ещё бешено виляя хвостом.

– Марто! Марто! – он мягко отстранил её и посмотрел на заплаканное лицо. – Дома всё в порядке? Как дети? Русских здесь ещё не было?

– Нет, нет... У нас всё хорошо... Но люди с востока, беженцы, они говорят страшные вещи!.. Страшные!.. Они были здесь, но ушли дальше, говорили, что в Баварию... Говорили, что здесь небезопасно! Говорили, чтобы мы ушли тоже, но я... я не могла... Дети, хозяйство... Куда я могу уйти?

– Марто, я не один... – он махнул рукой, и сзади приблизились два человека в пятнистой форме. – Это Хорст, – он кивнул на Крошку, – а это... этого знаешь.

– Господи, Рихард! – она обернулась к Майеру. – Ты тоже здесь!

– И, как видишь, в полном порядке. Так же... Говоришь, у вас спокойно... – Майер поставил автомат на предохранитель.

– Да... Идите в дом... идите! Только тихо, дети спят...

Они сидели у большого деревянного стола, фрау Янке вы-

ташила откуда-то копчёное мясо, варёный картофель, колбаски, сушёные фрукты, маринованные овощи, компот и по-домашнему палёный деревенский абрикосовый шнапс. Крошка был на вершине счастья: со светящимися глазами, он пожирал эти невероятные деликатесы, запивая спиртным вперемешку с компотом, и постоянно нахваливал:

– Господи боже, Янке, после войны я точно перееду прямо сюда, найдите мне невесту! Какая красота! А это мясо! Йозеф, как ты мог всё это оставить и идти на фронт?! А?! А-а-а... Божественный напиток... – он опрокинул ещё одну рюмку.

– Меня никто особо не спрашивал... – мрачно процедил хозяин дома. – Просто сказали: «Настоятельно рекомендуем, герр Янке, подпишите это здесь, здесь и вот здесь... Что?.. Вы не хотите служить нашему фюреру? Очень интересно! А вы, герр Янке, случайно, не коммунист? Да... А ваша жена, герр Янке, она ведь... чешка?.. Так вы любите славян, герр Янке? Тогда, может быть, вы любите и... евреев, герр Янке?.. Вы можете стать нежелательной особой в рейхе, герр Янке, а ваша жена, она, случайно, не помогает чешским партизанам, герр Янке?..» – так я стал добровольцем СС... НЕДОБРО-ВОЛЬНО. Тем не менее, что бы я ни делал – старался это делать хорошо... Да ты знаешь! Это вот он, – кивнул в сторону Майера, – Рихард хотел спасти свет от коммунизма и сионизма... Что, получилось? – он прокашлялся. – Ещё вчера я бы тебе это не сказал... Но сейчас, здесь, дома, на кон-

це этой засранной войны, мне уже всё равно... думаю, что поймёшь... даже ты...

– Перестань... – прервала его жена. – Лучше ешьте.

Она была красивая, его Марта, светловолосая, высокая, при теле, но не полная, как большинство деревенских женщин после родов, со всем, что надо, на своём месте... Эта грудь и торс и... После рождения их двойняшек она, казалось, стала ещё более женственной, более сладкой... К тому же прекрасная хозяйка! Боже! Как она готовит!!! Он знал, что все мужчины в деревне завидовали ему... Но она выбрала его... И он был счастлив. Он гордился своей женой и своими детьми! Как бы всё было хорошо, если бы не эта чёртова война!

Янке опустил голову и закрыл глаза... Алкоголь, усталость и чувства уже брали своё.

Рассвело, деревенские петухи вели свою обязательную перекличку, то тут то там мычала корова, где-то поблизости кашлянул и потом мерно застучал приводной мотор – деревня просыпалась к жизни... Уже вовсю пели птицы, солнечные лучи, преломляясь в полупустой бутылки, превращались в искусственную радугу, двор залило жёлтым светом ещё холодного весеннего солнца...

Первым собрался с мыслями Крошка:

– Рихарде! – он сильно толкнул осоловевшего за столом Майера. – Рихарде! Нам надо обратно! Нас же ждут... Проснись, чёрт ты возьми!!! Майер, подъём!

– Да, да... Иду... Яволь...

– Янке, ты... Ты, это, как знаешь, оставайся дома, и... Всё остальное... С женой и так далее... – Крошка прокашлялся. – Роттенфюрер Янке, я, как твой... Ваш... Прямой командир, в настоящий момент... Освобождаю вас от обязанностей. Чёрт, как это сказать-то? Всех... на мою ответственность! Я... я всё понимаю, Йозефе... Лучше, чем ты думаешь...

– Есть, герр обершарфюрер... Зиг хайль! – Янке, с поднятой в нацистском приветствии рукой, привстал и тут же рухнул на стол, чуть-чуть минув лицом тарелку с овощами. Это, видимо, должно было быть что-то типа неудачной шутки...

* * *

15 апреля 1945 силы Второго Украинского Фронта под командованием маршала Малиновского, а в его составе и гвардейская кавалерийско-механизированная бригада генерал-лейтенанта И.А. Плиева начали сосредотачивать свои силы на территории Южной Моравии для атаки на Брно. Город и окрестности обороняла немецкая 1-я танковая армия генерала В.К. Неринга. Ночью с 17 на 18 апреля передислокация советских войск завершилась. Всё было готово к новой наступательной операции...

После неудавшейся атаки на Будапешт – операции «Весеннее пробуждение» – и последующих тяжёлых боёв с наступающей по всему фронту Красной Армией, остатки когда-то непоражительных танковых дивизий СС «Das Reich», «Liebstandarte», «Totenkopf», а также «Hitlerjugend» и «Hohenstaufen» отступили к Вене.

С самого начала становления ваффен-СС, целый полк «Der Führer» и много других подразделений дивизии «Das Reich» были составлены из австрийцев, в основном Венского гарнизона, и местных жителей Нижней Австрии, а также, впоследствии, прилегающих регионов Судет, населённых этническими немцами и отрезанных от Чехословакии после заключения Мюнхенского договора.

В течение войны личный состав дивизии многократно дополнялся и переформировывался, люди умирали, приходили и уходили, но твёрдый костяк боевых ветеранов и командиров сохранял и передавал новичкам первоначальные традиции, поэтому неудивительно, что в то время, когда их коллеги из остальных дивизий СС старались во что бы то ни стало уйти на запад Австрии и сдаться там англо-американским войскам, именно «Das Reich», остановившись перед Веной, обернулась лицом к противнику и добровольно заняла здесь оборонительные позиции.

После тяжёлых боёв с многократно превосходящими силами Красной Армии, остатки дивизии постепенно отступали в город, где продолжали сражаться и, после кровопролитной битвы у Флорисдорфского моста, в конце концов, как одни из последних, покинули столицу Австрии. Но на этом война для «Das Reich» ещё не закончилась: с точки зрения немецкого командования, существовала реальная угроза захвата чешской столицы, Праги, Красной Армией ещё в конце апреля 1945. В городе находилось большое количество немецкого гражданского населения, неэвакуированных раненых и складов с военным материалом. Поэтому последней задачей боевой группы СС, сложенной из остатков дивизии и возглавляемой Отто Вейдингером, командиром полка «Der Führer», было переместиться в Прагу и обеспечить эвакуацию. В этот момент дивизия как единая боевая структура уже фактически не существовала.

Во время боёв в Вене небольшая механизированная группа под командованием оберштурмфюрера Александра фон Шенкофа потеряла контакт с основными силами и потом самостоятельно отступала на северо-запад, в направлении на Пойсдорф, в надежде пробиться к «крепости Брно» генерала Поеля и первой танковой армии на Мораве⁷, но, отрезанная быстрым продвижением советских войск, была вынуждена

---

⁷ Территория немецкого «Протектората Богемия и Моравия» (Protektorat Böhmen und Mähren) тогда являлась частью Третьего рейха, сейчас, вместе с бывшими Судетами, это современная Чешская Республика.

вернуться на юг, к старым австрийским границам. В Вене к ним присоединились несколько раненых солдат из различных частей, самостоятельно покинувших госпитали в городе и не желающие попасть в русский плен, среди них три украинца из так называемой «галицийской» дивизии СС, три грузовика тыловой службы с водителями-венграми, оставшие от какой-то армейской колонны, а также уникальная боевая машина ПВО люфтваффе – четырёхствольное 20-мм орудие на шасси советского танка Т-34 и пять совершенно дезориентированных членов её экипажа, как потом оказалось, эстонцев.

Таким образом, в момент, когда колонна съехала с дороги у деревеньки Прерау, в её составе были: 1 мотоцикл, 3 грузовика, один из которых был полностью наложен ящиками с различным вооружением, но практически без соответствующих боеприпасов, второй – мебелью после эвакуации какого-то штаба, третий, к счастью для всех, огромным дефицитом – бочками с моторным маслом, бензином и дизельным топливом, которые и давали колонне возможность до сих пор передвигаться, 2 полугусеничных бронетранспортёра, 1 танк «Пантер», 1 артиллерийский тягач и вышеупомянутая машина люфтваффе. Всего девять транспортных средств и около семидесяти человек разношёрстного личного состава. Причём «Пантер» с замаскированными опознавательными знаками, судя по всему, бывший когда-то в составе дивизии «Hohenstaufen», они нашли в совершенно

исправном состоянии и даже с пятью снарядами в боекомплекте, но без капли топлива, просто брошенный экипажем на обочине одной из дорог.

* * *

На конце грунтовки, как и сказал мотоциклист, находились невысокие, но добротно построенные из камня и кирпича винные погреба, за которыми начинался небольшой лесок, покрывающий возвышенность. Молодые листья, уже появившиеся на деревьях и кутарниках, давали возможность маскировки, а толстые стены погребов представляли хорошую защиту в случае боя. Вся техника была загнана в лес и замаскирована ветвями, «Пантер» занял позицию за одной из построек так, чтобы мог контролировать дорогу и съезд к погребам, зенитная установка встала в кустах на самом краю леса, прикрытая тенью деревьев, но с возможностью свободного разворота своих скорострельных орудий в случае атаки с земли или воздуха.

Расставив посты, оберштурмфюрер фон Шенкоф дал остальным разрешение окопаться и отдыхать, а сам влез на башню замаскированного танка. В деревне внизу было тихо, что означало, по крайней мере, что с его людьми пока всё в порядке – он был уверен, что даже в случае засады эти опытные ветераны не дадутся просто так, без боя, и не будут взяты врасплох.

Оставалось только ждать. Внутри танка что-то тихо скрипело и лязгало – механик-водитель, неугомонный венец Манфред Ленц, постоянно с любовью поправлял и ремонтировал всё, что можно в своей новоприобретённой машине – его собственный, точно такой же «Пантер», сгорел во время неудачной атаки на Будапешт вместе со всеми остальными членами экипажа, и с того времени он был тем, кем не хочет быть ни один танкист – пешим бойцом. Когда они нацкнулись на брошенный танк, Манфред сразу уцепился за эту возможность и, быстро найдя среди остальных ещё четырёх танкистов, сформировал экипаж и попросил фон Шенкофа о разрешении присоединить танк к их колонне во время похода на Брно. Командир согласился – в конце концов, даже несмотря на свою топливную прожорливость, это была бы самая сильная бронемашина из всего того, что у них было в наличии...

Вышло солнце, в деревеньке где-то завёлся трактор и всю кричали петухи. Офицер уже начинал нервничать, когда увидел двух человек, приближающихся по полю в их направлении. Один из них был, без сомнения, Крошка – не узнать его гигантскую фигуру было практически невозможно. Шли спокойно и совершенно в открытую – значит, внизу всё в порядке...

«Янке наверняка остался дома, а Завацки ему, естественно, это разрешил... – фон Шенкоф усмехнулся себе под нос: – Хотя бы один из нас уже благополучно добрался до-

мой... и то хорошо...»

— Герр оберштурмфюрер! — Крошка подошёл к танку. — Там чисто! Русских не было и не проезжали... Всё спокойно, думаю, можем войти в деревню за провиантом и так далее...

— Янке... Остался?

— Я, герр оберштурмфюрер... — Крошка вытянулся в стойку «смирно». — Я позволил себе разрешить роттенфюреру Янке, как в тот момент старший по званию, взглядом к обстоятельствам...

— Вольно, всё в порядке... У Янке дома всё нормально?

— Так точно.

В этот момент послышался быстро приближающийся звук авиационных моторов, и прямо над их головами на минимальной высоте, казалось, почти касаясь верхушек деревьев, с рёвом пронеслись несколько советских штурмовиков «ИЛ-2», удаляясь в направлении на Брно.

«Летающие танки», как их называли немцы, вызывали у них такой же ужас, как и легендарные «Катюши». Этот самолёт, предназначенный для боя против наземных целей, со своим арсеналом бомб, ракет, пулемётов и специальных противотанковых скорострельных пушек, был способен вскрыть, как консервные банки, даже тяжёлые немецкие бронемашинны и бетонированные огневые точки и разносил смерть и погром в рядах противника всюду, где бы ни появился, оставаясь при том сам практически неуязвимым: даже крупнокалиберные зенитные пулемёты не могли простре-

лить его бронированный фюзеляж, а тяжёлые орудия ПВО были в большинстве случаев не способны взять его в прицел, так как русские штурмовики летали обычно очень низко и на высоких скоростях, исчезая так же неожиданно, как и появлялись.

– На Брно... – Майер проводил взглядом звено штурмовиков. – А куда мы, герр оберштурмфюрер?

– До вечера останемся здесь – передвигаться колонной днём в нашем случае равняется самоубийству, – а за это время нужно решить... не думаю, что имеет смысл вступать в конфликт с противником, лишние бессмысленные жертвы... Ни Брно, ни Берлину мы уже не поможем, Острава, думаю, уже полностью окружена тоже... Я лично не хотел бы сдаваться никому, даже если мне прикажут, но если из двух зол выбирать меньшее, то к «иванам» точно не пойду... – Он постучал своим автоматом по приоткрытому люку. – Радист!.. Манфред, есть у тебя там радист?!

– Так точно, герр оберштурмфюрер! – из верхнего люка показался худой молоденький солдат в серой форме артиллериста-самоходчика Вермахта (регулярной армии), видимо, один из тех, что прибились по дороге и были выбраны Манфредом в экипаж. – Ефрейтор Кёпке, герр оберштурмфюрер! Назначен радистом в экипаж шарфюрера Ленца шарфюрером Ленцем!

– Но-но! Не ори так! Из госпиталя?

– Так точно, герр...

– А аппарат твой работает? – перебил его офицер.

– Так точно, но, судя по всему, мы далеко, чтобы войти в контакт...

– Это я знаю, но, судя по антеннам, это командирский танк, принимает какие-нибудь гражданские диапазоны?

– Так точно, герр оберштурмфюрер! – ефрейтор на секунду скрылся в люке, и тут же они слышали сквозь шипение и треск приёмника приглушённые звуки вальса. – Вот, герр оберштурмфюрер... – его голова опять показалась над башней.

– Радист! Нет, погоди... Майер! Ко мне!

– Герр...

– Рихард, ты ведь понимаешь по-русски?

– Так точно...

– Найди кого-нибудь там в лесу, кто говорит по-английски, сядьте в танке с радистом и поищите в эфире какие-нибудь новости, русские и союзников, если поймаете... Переговоры... Всё, что угодно, из чего можно понять ситуацию на фронте и вокруг нас...

– Так точно! Выполню!

Было уже около половины восьмого и абсолютно светло, когда все одновременно повернули головы на север: тишину разорвал приходящий оттуда грохот vzdальной канонады, наследуемый серией мощных взрывов, а потом всё слилось в единый непрерывный гул – началась артподготовка перед атакой. На небольшой населённый пункт Орехов, на-

ходящийся около двадцати километров южнее от Брно, упали первые советские снаряды – начался штурм города, одно из последних танковых сражений Второй Мировой войны в Европе, которое продлится ещё почти целую неделю...

Почти одновременно со звуками артиллерийской стрельбы на окраине леса показался вернувшийся Янке.

– Герр обершт... Александр! – позвал он командира. Тот спрыгнул с танка, а Янке продолжал: – Я говорил со старостой – в окрестностях пока чисто, о том, что нам дадут продовольствие, тоже договорился, но он просит, чтобы мы здесь не оставались – если вдруг будет бой, то деревне конец...

– Это я понимаю...

– И ещё кое-что: здесь недалеко три дня назад приземлился в поле на пузо подстреленный «Хейнкель». Пилот – полковник, лежит в доме у старосты, ходить не может, какая-то важная птица, говорить хочет только с высшим присутствующим офицером, вроде как что-то серьёзное, я у него уже был – выглядит плохо... Хотя был явно рад, что мы сюда попали раньше Советов... Староста сказал, что какие-то мешки у него под кроватью и чемодан тяжеленный, приказал вытащить из самолёта и никого к ним не подпускает... Летел, говорит, из Остравы в Мюнхен... Вы с этим танком поосторожнее, этот погребок-то как раз мой... – он, усмехнувшись, указал в сторону «Пантера», стоящего у невысокой кирпичной стены.

– Хорошо, – фон Шенкоф кивнул. – Не будем терять время, возьми человек десять наших, из дивизии, и идём в деревню за продуктами... И с лётчиком этим поговорим.

– Есть, герр оберштурмфюрер!

Сзади к ним подошёл Майер:

– Герр оберштурмфюрер...

– Да, Рихард?

– Разрешите, я тоже заскочу, гляну, как там мои. Здесь километра четыре до Браттерсбрюнна... Я через часа три буду...

– Пойдёшь сам?

– Староста местный сказал, я слышал, что там тоже чисто, так что пойду сам.

– Возьми мотоцикл... И разузнай там, что сможешь... Да, найди кого-то вместо себя к приёмнику... Иди! – офицер махнул рукой. – Йозеф, идём к тебе!.. – взял с танка автомат и, не оглядываясь, направился к деревне. Через пару метров бросил через плечо: – В моё отсутствие командование принимает обершарфюрер Завацки!

* * *

При штабе генерал-лейтенанта Плиева, командира кавалеристов, находилось и отделение контрразведки⁸, задачей

---

⁸ СМЕРШ – сокращённо «смерть шпионам» – название военной контрразведки НКВД времён военного времени.

которого была борьба с диверсантами и вражеской разведкой в прифронтовой полосе, контроль лояльности местного населения, а также «отлов» немецких окруженцев и дезертиров, слоняющихся по окрестным деревням. Функция, при которой присутствие и возможность использования конных патрулей была как раз очень кстати. Дежурный офицер НКВД, майор Даладзе, высокий широкоплечий грузин лет сорока, моложавый, в безукоризненно подогнанной новенькой суконной гимнастёрке, явно шитой на заказ у хорошего портного, стоял задумчиво с чашкой чая, изучая от нечего делать довоенную карту Чехословакии на стене, которую и так знал уже на память, когда услышал, как зазвонил телефон и сержант за стеной снял трубку. Через минуту дверь открылась:

– Разрешите... Товарищ майор, лётчики, штурмовой авиаполк, где-то в тылу, мол, видели немцев, хотят вас...

– Переключи! – он пружинистой походкой не спеша пересёк комнату, сел на стол и снял трубку. – СМЕРШ, майор Даладзе. С кэм гаварю? Здравия желаю, капитан, што у вас?.. Гдэ-та на юг ат Брно?! Эта гдэ, «на юг», капитан, в Югославиэ или, может, там, в Африкэ??? Пэдэсат киломэтров... Ага... А пачему званитэ нам? Ви решили, што это уже наш тил? Ага... Надэюс, што наци танки успэвають за ващим ваабражэнием, капитан... Што значит «вродэ как»?! Танки?! Ви их видэли или нэт?! Я знаю, чиорт падери, што штурмавики бистро летают!.. Так там пашлитэ «Паликарпова»! Он

лится медленно! Что мне вас учить надо, что ли!.. Да! Да! Ждиом ваших сообщений!.. – он повесил трубку. – Чиорт знает что! «Где-та на юг»! «Вроде как танки»! Сержант! Ка мне! Соедини меня с генералом! Быстро!

* * *

Староста, небольшой коренастый мужчина на вид лет шестидесяти, был явно взволнован доносящимися звуками канонады и нервно мял в руках серую шерстяную кепку австрийского военного образца. Он и ещё несколько мужчин средних лет – совет деревенской общины – стояли посередине его большого закрытого двора, две стороны которого обрамляла каменная стенка с большими воротами, выходящими на главную улицу, а остальное делал большой белый одноэтажный дом с красной черепичной крышей, который вместе с хозяйственными пристройками образовывал большую букву «L».

– ...Герр офицер, мы понимаем ситуацию и готовы вам посильно помочь, но, извините... надеюсь, вы понимаете... здесь женщины и дети... Мы надеемся, что если здесь не будет никаких военных частей, то русские оставят нас в покое... Мы же обычные крестьяне... Герр офицер?

– Не беспокойтесь, это не в наших интересах – оставаться здесь. Мы уйдём в темноте, чтобы нас не видели с воздуха, даю вам слово, прошу только о возможности отдыха для мо-

их людей и какого-нибудь провианта... Надеюсь на сотрудничество с вашей стороны.

– Естественно, герр офицер, – староста явно не разбирался в званиях СС. – Герр полковник вас ждёт, пойдёмте, думаю, что хочет отойти с вами... Пойдёмте!

Лётчик лежал в небольшой, но светлой и чистой комнате в глубине дома. Его осунувшееся лицо покрывала густая седая щетина, ему было, видимо, немного более сорока, но сейчас выглядел гораздо старше своих лет, бледный, с глубоко запавшими глазами и тяжёлым сиплым дыханием, он казался почти стариком. Перед приходом фон Шенкофа младшая дочь старосты накинула ему на плечи китель и подложила сзади подушки, чтобы он мог более-менее ровно сидеть.

– Герр полковник, добрый день, оберштурмфюрер фон Шенкоф, Вторая танковая дивизия СС, – представился, войдя в комнату, молодой офицер и тут же обратил внимание на рыцарский крест на шее пилота, Немецкий Крест в золоте и множество других наград, и не только немецких, а также почётный золотой партийный значок НСДАП⁹ на кителе – достаточно редко встречающийся на военной форме экземпляр: его носитель, кроме того, что, видимо, являлся авиационным асом, был ещё и совсем не последним человеком в партии...

---

⁹ Сокращение названия правящей тогда в Германии Национал-Социалистической Рабочей Партии (так называемой «фашистской») – Nazional-Sozialistische Deutsche Arbeits Partei – NSDAP, лидером которой являлся рейхсканцлер Адольф Гитлер.

– Полковник фон Шюттенхоф, эскадрилья специальных операций штаба люфтваффе, искренне рад вас видеть, оберштурмфюрер! Сами понимаете, уже ожидаю русских с минуты на минуту, а тут вы...

– Рад быть в вашем распоряжении, герр полковник... – эсэсовец слонил голову. – «Специальная эскадрилья штаба»?.. – Ни о чём подобном он никогда не слышал, но не решился пока задавать лишние вопросы.

– Оберштурмфюрер, – продолжал лётчик. – В данной ситуации не буду морочить вам голову различным дерьмом относительно секретности, важности для рейха, долга перед фюрером и т. д., рейх уже не существует... Я... я не знаю ваших личных планов на будущее... Но вы и ваши люди – моя последняя надежда, вы это понимаете, и я тоже. Зато вы ещё не знаете, что я – также надежда на будущее лично для вас... Не знаю, что со мной и сколько мне осталось жить... Думаю, что что-то с позвоночником – не чувствую ног, но провести этот остаток дней в русском плену я не собираюсь... Под моей кроватью сейчас лежит нечто, что я должен был довести до Мюнхена, но, видит Бог, не получилось... Но это ни в коем случае не должно попасть в руки как русских, так и американцев или англичан... Ни тем ни другим не хочу доставить такое удовольствие!.. Помогите мне, оберштурмфюрер, а я помогу вам... Понимаю, что не выгляжу как человек, способный ещё кому-либо помочь, но, поверьте, волей судьбы здесь и сейчас, я – ваша самая реальная надежда на

будущее... Если, конечно, нам обоим удастся выбраться из этого дерьма живьём и с моим грузом и добраться хотя бы до Зальцбурга...

– Сделаем всё возможное, герр полковник... – фон Шенкоф неуверенно кивнул. «Зальцбург?!! Хотя бы?!! Он вообще имеет представление, где мы? Или при приземлении ударился головой? Это же отсюда этак четыре сотни километров, и неизвестно ещё, через чьи позиции!!!» Но закоренелое чувство субординации не позволило ему сразу открыто возразить, он лишь повторил: – Сделаем всё возможное...

III

«Интерсити экспресс» Цюрих – Вена – Цюрих не ехал в нашем понимании этого слова – он как будто летел над рельсами. Без привычного российскому уху стука колёс, без лязгания буферов, свиста на поворотах и грохота сцепок. В вагоне стояла абсолютная тишина, лишь еле заметное мерное покачивание иногда напоминало о том, что он всё-таки движется. Желающие, как в хорошем авиалайнере, могли наслаждаться несколькими музыкальными программами на любой вкус с помощью наушников и панели управления, присутствовавших на каждом сиденье. В отличие от убогих, обшарпанных и заплёванных старых составов наших РЖД, интерьер швейцарского поезда тоже скорее напоминал самолёт, чем железнодорожный вагон: два ряда кресел футуристической формы лежащего полумесяца с каждой стороны вдоль окон, багажные отделения под потолком, тишина, белый неоновый свет, мягкая цветная обивка, люди в наушниках, проводник-стюард, разносящий кофе, чай и прохладительные напитки, международный телефон в хвосте... пардон, в конце вагона, у туалета... Советскому человеку, впервые попавшему сюда без предварительной подготовки, казалось, что он оказался на съёмках фантастического фильма о далёком будущем, космических кораблях и межпланетных рейсах. Это сейчас переживал и Клим, и даже при всей его

обычной сдержанности он не мог скрыть своего восхищения. Но прекрасная альпийская панорама, беззвучно доносящаяся за идеально звукоизолированным окном, напоминала, что мы всё ещё на планете Земля, а лежащие в наших карманах «совковые» серпастые-молоткастые паспорта, хотя и элегантного тёмно-красного цвета, но без единой легальной европейской визы, уничтожали ощущение идиллического прекрасного будущего и напоминали о небезопасном, нервном и трудном конце двадцатого столетия, в котором мы имеем счастье (или несчастье) жить.

Несмотря на то, что поезд шёл прямо туда, куда нам надо, то есть в Цюрих, мы, за неимением оных виз, должны были покинуть его роскошные сиденья перед швейцарской границей в небольшом городке Бregenц на австрийской стороне и продолжать путешествие опять нелегальным путём. Хотя даже партизанский способ пересечения границы здесь также был намного более комфортабельным и безопасным, чем в той же Чехии. Надо было лишь сесть в приличный автомобиль со швейцарскими номерами, сделать «швейцарские» лица и переехать её. Никаких пробежек ночью по вспаханному полю, патрулей на джипах, погонь и т. д.

Вообще, с перемещением по суше с востока на запад было заметно, как постепенно меняется к лучшему жизнь и люди именно в этом направлении, а не наоборот. Особенно это отражалось на первых официальных лицах страны, которые встречал на своём пути каждый путешественник: погранич-

ник – зеркало целой государственной системы. Вечно злые и подозрительные белорусские погранцы и таможенники, в старомодной, ещё советских времён, форме с непонятными эмблемами их новой государственности – чистая воля произвола, с вечным выражением Павки Корчагина на лице и убийственным взглядом пропитых глаз, словно в книжках времени расцвета СССР о героях-чекистах, постоянно ищущие «врагов народа» или замаскированных шпионов среди усталых челноков с клетчатými китайскими баулами, нищих эмигрантов-неудачников, пьяных туристов и остальной всякой всячины, проезжающей в обшарпанных поездах через их республику, за неимением средств на более приличный транспорт, потом сменялись поляками.

«Панове» – поляки – на восточной границе являлись, в большинстве своём, достаточно приятными людьми, хотя и угрожающе носили автоматы Калашникова также советского образца, смешные береты и бравую пятнистую военную форму. Эти уже были, вопреки своему внешнему виду, абсолютно безобидными, с открытой и откровенной склонностью к коррупции по любому поводу, который, кстати, всегда старательно выискивали, в надежде сунуть себе в карман доллар-другой.

«Западные» поляки на выезде из страны только лишь спокойно проверяли паспорта и количество сумок и чемоданов, серьёзно и тщательно. Контроль, контроль, контроль... Вдруг чего... Хотя, видимо, знали, что их «восточные» кол-

леги уже выбрали и скассировали всё, что можно.

Чехи – первые пограничники в обычной синей полицейской (не военной!!!) униформе, способные, к тому же, иногда улыбаться и вообще вести себя по-человечески. Их присутствие в вагоне означало окончательный выезд из типично восточной зоны – «соцлагеря».

До сих пор не понимаю, как этот маленький народ, находясь так долго во владении советского «социализма», смог так быстро найти все свои западные корни и перестроиться – именно перестроиться, а не «перестроиться» в смысле «перестройки», объявленной господином М. Горбачёвым и ведущей Россию и весь разваленный им же Союз незнамо в какую задницу, лишь бы поднять свой собственный престиж за пределами нашего многострадального государства... Его службы были узнаны и хорошо оценены на Западе... Но об этом когда-нибудь потом...

Далее, на выезде, чехи вообще не проверяют.

Австрийцы пунктуально и придирчиво контролируют только документы, не багаж. Культурно, сдержанно, но достаточно подробно интересуются, куда и зачем едете, на сколько и т. д.

Швейцарцы, о швейцарцы! Богом благословенный спокойный народ. Если пограничный полицейский решил проконтролировать ваш паспорт, паспорт человека, едущего в хорошо вымытом «Крайслере», цвета вишнёвый металлик со швейцарскими номерами или в серебристо-сером ухожен-

ном «Саабе», примерно таком же, в котором, скорее всего, ездит его собственная жена, мама или племянник, это значит, что сегодня страж закона встал не с той ноги или перепил перед службой, что практически нереально, то есть это значит, что в таком виде вы автоматически проезжаете без проблем, а если ещё и с типично местным акцентом поприветствуете пограничника, спросите что-то о погоде и пожелаете ему приятной службы, то проезд вам гарантирован с улыбкой даже на тракторе по железнодорожному мосту... Если, конечно, ваш трактор имеет швейцарские номера... Как выглядят пограничники этого сказочного альпийского государства в поездах, я не знаю, так как при наличии виз я всегда летел в Цюрих или Женеву самолётом, а при их отсутствии встреча даже с этими приятными официальными лицами не сулила мне ничего хорошего.

Дело было уже вечером, когда «Интерсити», пролетев почти восьмисоткилометровую по длине с востока на запад Австрию, на несколько минут тормознул в последнем приграничном городке, чтобы высадить редких пассажиров и, наоборот, взять на борт уже ожидающих на перроне швейцарских пограничников. Раскланявшись с ними в идеально чистом тамбуре, мы с Климом вышли на небольшой вокзал.

Йенс, которому я предварительно позвонил из вагона, уже ждал нас перед входом. Привычно поприветствовав меня, он кинул в мою подставленную ладонь ключи от своей машины и поспешил на тот самый поезд, которым только что приеха-

ли мы – отработанная процедура: если всё пройдет гладко, то мы встретимся уже у него дома, в небольшой деревеньке километрах в тридцати от Цюриха. В случае, если нас всё-таки по какой-то причине будут проверять, он не хочет иметь с этим ничего общего. По обоюдной договорённости, в случае, если я не позвоню ему до условленного времени и не сообщу об успешном переезде или, наоборот, о какой-либо задержке в Австрии, свой «Крайслер» он заявляет как пропажу на следующий день, а так как полиция «находит» его машину быстро и без повреждений, от подачи заявления в суд на похитителей он отказывается, а как выкрутимся из всего этого мы – это уже моя собственная проблема... Но ничего такого, хвала Богу и швейцарской погранслужбе, ещё никогда не произошло.

С нашими измождёнными небритыми лицами и в мятой одежде из венского «сэконд-хэнда» сойти за счастливых швейцарцев было очень тяжело. В багажнике, по моей просьбе, Йенс приготовил нам чистые вещи, одноразовые бритвенные принадлежности и кое-какие деньги в австрийских шиллингах. Отъехав на всякий случай немного обратно, километров сорок в глубь страны по автобану, мы сняли на ночь комнату в маленьком деревенском отеле, который я уже хорошо знал. Мой старательно небрежный швейцарский акцент не вызывал у сгорбленной бабульки-хозяйки никаких подозрений, поэтому она, получив свои деньги, как обычно, вперёд, даже не поинтересовалась нашими именами, просто

спросила, во сколько мы будем завтракать, и пожелала нам «Гуте нахт» – спокойной ночи. Проверять кому-либо паспорта в такой глубинке людям обычно даже не приходит в голову, а если бы она и сделала это, то только с целью записать фамилии в гостевую книгу. Кто и для чего должен иметь визу в её страну и как такая виза вообще выглядит, она, без сомнения, не имела не малейшего понятия...

Сытые, побритые, умытые и отдохнувшие, распрощавшись с гостеприимной бабушкой по имени Лотта, около восьми утра мы с Климом уехали в сияющий чистотой тёмно-вишнёвый «Крайслер» и выехали по направлению к границе, идеальным местом для нелегального пересечения которой является Лихтенштейн, находящийся сейчас километров в пятидесяти южнее. Это маленькое альпийское государство находится фактически в составе Швейцарии, не имея с ней внутренней границы и используя швейцарский франк в качестве национальной денежной единицы. Единственную внешнюю границу имеет только с австрийской стороны, но вследствие того, что она находится далеко от оживлённых международных трасс и почти единственными клиентами пограничного контроля являются снующие туда-сюда местные жители и богатые туристы-лыжники, бдительность пограничного контроля в Княжестве Лихтенштейн практически нулевая. Главное просто не выглядеть вызывающе подозрительно сразу на первый взгляд, и пограничник даже не удостоит вас поворота головы. Небезынтересен и тот факт,

что многие необразованные нелегалы, пытающиеся проникнуть в Швейцарию, не подозревают об отсутствии Швейцарско-Лихтенштейнской границы и не используют эти вечно открытые «задние двери».

Через каких-то минут сорок езды по узким, но безукоризненно ровным дорогам местного значения мы тормознули на небольшой пустынной парковке у какого-то леса. Рисковать я не хотел, и на тот случай, если нас всё-таки кто-то будет о чём-то спрашивать, а Клим по-немецки ни «бум-бум», я отправил его в «грузовое отделение». Помахав рукой своему спутнику, я захлопнул над ним крышку багажника и, нацепив на нос Йенсовы очки (как мне казалось, так я выглядел более представительно и был похож на истинного швейцарца), сел за руль. «Крайслер», оставляя на парковке облако серой пыли, рванул с места, и через некоторое время я уже медленно подъезжал к будке погранконтроля австрийцев, которая на выезде из страны была, как обычно, просто закрыта, судя по всему, уже несколько лет. На другой стороне границы лихтенштейнский розоволицый жандарм зарегистрировал взглядом мои номера кантона Цюрих на переднем бампере, поднял голову и уставился потом на меня, но пока он ещё не успел открыть рот, я, опустив стекло, с наимилейшей улыбкой, на которую только был способен, поприветствовал его своим безукоризненным швейцарским «Грюетзи!» (что-то типа «Бог в помощь») и невинно поправил на носу круглые очки. Страж закона тут же потерял ко мне вся-

кий интерес, поднял со стола свою газету и уже из-за неё, не глядя, махнул мне рукой – мы были внутри!

При первой же возможности, я свернул в небольшой лесок и выпустил Клима из багажника, далее он ехал уже по-человечески. Из Вадуца, столицы горного княжества, я звякнул Йенсу, чтобы сообщить, что всё в порядке. Ещё полчаса и несколько километров – и мы переехали мост через неглубокую, обрамлённую галечными наносами речушку, на одной стороне которой развевался флаг с гербом Лихтенштейнского княжества, а на другой – красный с белым крестом швейцарский квадратный штандарт. Это было самое приятное пересечение государственной границы за всю дорогу, хотя и, опять же, нелегальное. Теперь оставалось только выскочить на автобан в направлении Санкт-Галлен – Цюрих.

Йенс уже ждал нас с холодным пивом, а его жена, Лени, приготовила обед.

В их прекрасном, почти двухсотлетнем старом доме я снимал крохотную, но уютную, обитую деревом в старобылом стиле комнатку со скошенным потолком и маленьким окошком прямо под крышей. С их сыном, Эриком, я познакомился случайно, на, наверное, первых официальных соревнованиях «Клуба 4×4» в Москве, в которых мы оба тогда участвовали на своих «Рейндж-Роверах». Я помог ему с поломкой его джипа, в то время как все остальные думали только о собственных результатах... Потом мы подружились, и он впервые пригласил меня в Швейцарию. С тех пор за симво-

лическую плату я всегда имел в распоряжении эту маленькую комнатку и питание в доме у его родителей, оказавшихся просто «золотыми» людьми. По мере возможностей отчим Эрика, Йенс, также помогал мне с поиском автомобилей и переходами границ. Хотя я и платил ему за это, он участвовал во всех моих делах скорее просто из откровенного желания помочь «несчастному русскому», чем за деньги. Тем более, он знал, что и я по возможности помогаю, чем могу, их Эрику, работающему на одной из швейцарских фирм в Москве.

Но в этот раз ничего искать не надо было. Очередной «Рейндж-Ровер», которых я пригнал в «совок» «под заказ» почти десяток, и белый грузовой микроавтобус «Фольксваген» уже стояли на асфальтированной площадке сбоку дома, за деревянной конюшней. Эти автомобили я нашёл и осмотрел ещё в свой прошлый приезд, предварительно договорившись о покупке и оставив денежные залоги их хозяевам, а Йенс, после того как я перекинул ему из Чехии деньги на счёт, расплатился до конца и перевёз машины к себе домой. Ещё за одной – «Вольво-850», с владельцем которой я пока пообщался лишь из Москвы по телефону, – мне придётся прокатиться на другой конец страны – в городок Лозанн на берегу Женевского озера. Йенс не сильно разбирался в автомобилях, и поэтому первичный просмотр и отбор я ему не доверял, тем более, что с конкретным заказчиком в России договаривался лично я, и, поняв конкретно, что человек хо-

чет, я же отвечал за то, что ему привезу – этим я зарабатываю себе на жизнь, и в большинстве своём заказчики остаются довольны и потом рекомендуют мои услуги друзьям и знакомым. Вот, так и живу...

Поездка на юг была назначена на завтра, так что сейчас мы могли полностью расслабиться, пить пиво, болтать и наслаждаться плодами кулинарного мастерства Лени. Клим, естественно, говорить не мог и поэтому только усиленно поглощал пищу, а я рассказывал своим швейцарским друзьям о наших злоключениях по дороге сюда в этот раз. Лени охала и ахала, когда я подошёл к истории с наркотиками и пистолетом, а Йенс хитро усмехался при моих красочных и явно равнодушных описаниях Кати Штолль. Оба были моим рассказом абсолютно поражены, что вполне естественно: для нормального человека, ведущего нормальный размеренный образ жизни, такое бывает только в кино, да и то не верится... но согласились с тем, что всё хорошо, что хорошо кончается.

После обеда, сердечно поблагодарив хозяйку, мы по приглашению Йенса перешли в гостиную, к камину, чтобы спокойно отдохнуть, сидя у огня со стаканчиком виски, пока Лени приберётся на кухне.

Напряжение с дороги спало, и я вернулся мыслями к перипетиям двух прошедших дней. Только теперь, с определённым временным отрывом, даже я сам понял, в какую катавасию мы чуть было не влипли... Или, может быть, всё-

таки влипли, по крайней мере, лично я...

Кроме того, что, естественно, я думал о немецкой девушке, которая без сомнения запала мне в душу, мысль о клочке бумаги с непонятной схемой и еле видимыми цифрами тоже не давала мне покоя. Для меня кино продолжалось...

Сейчас, далеко уже не в подростковом возрасте, проехав почти всю Европу, и не только её, вдоль и поперёк, попадая в самые непредвиденные ситуации, которые мало кому вообще снились, набравшись различного нужного и ненужного опыта, даже добровольно поучаствовав по собственной дурости в одном небезызвестном вооружённом конфликте, я всё ещё остался безнадёжным романтиком с верой в любовь с первого взгляда, героические подвиги и загадочныеклады, и из-за этого, собственно, часто впутывался в различные сомнительные авантюры с неопределённым концом, хотя и никогда потом не жалел об этом. Жалеть о содеянном, что бы то ни было – это не входило в мою жизненную философию.

А тут – и девушка и загадка – всё в одном месте, в городе Ганновер, и есть даже точный адрес... Масла в огонь подливал ещё тот факт, что место, изображённое на Катиной схеме, я хорошо знал и был там неоднократно, причём с первого взгляда на этот злополучный клочок бумаги я не мог отделаться от ощущения, что что-то на этом рисунке «не сидит», что-то изображено неправильно, и, может быть, именно поэтому югославский мафиози, не зная реальную местность, и не смог найти то, что искал. А то, как девчонка неподдель-

но беспокоилась об этой схемке, говорило о её возможной ценности. Я был уверен в том, что имея больше времени на изучение рисунка, я бы наверняка нашёл ошибку и имел бы большие шансы разгадать его, чем этот «юг»... А тут ещё эта Катя, в которой мне нравилось, без преувеличения, абсолютно всё... И деньги, этот долг – отличный повод, чтобы к ней заявиться и проявить себя настоящим джентльменом... Всего каких-то километров шестьсот по отличным немецким дорогам да на классной машине... Говорить не о чем...

Вполне естественно, что устоять было невозможно. К тому же, если и «Вольво» удастся купить так же удачно, как стоящие перед домом джип и микроавтобус, то баланс расхода/навара с этой поездки вырисовывается очень и очень приятно в пользу последнего, что означает поступление значительной суммы в мой карман. А как абсолютно свободный человек без семьи и каких-либо обязательств перед кем бы то ни было, тратить свои деньги я мог абсолютно спокойно по собственному усмотрению. А в случае, если машины будет три (с «Вольво»), то для перегона всё равно придётся вызывать сюда Либора, Вашка или кого-то ещё из знакомых чехов, то есть я спокойно могу отправиться в Германию прямо отсюда, так как Клима, не знающего дорогу и языки, до Чехии проводят и перетаскают через границы они – в конце концов, они умеют это делать не хуже меня.

План уже был готов, оставалось только «обломить» с це-

ной хозяина «Вольво» во французской части Швейцарии.

Вечером я сообщил Климу о своих намерениях – он не был против подождать меня пару дней с нашими друзьями в одной приграничной деревеньке в Чехии, где «шмаль» была для нас бесплатно и на каждом шагу, девушки сговорчивые и без больших претензий, а пиво вкусное и недорогое. Местная травка была, конечно, слабенькая, по сравнению со среднеазиатской, к которой мы привыкли в Москве, но на «хи-хи» «пробивала» хорошо, чего было вполне достаточно для поддержания веселья и всеобщего удовольствия, даже при плохом знании местного языка.

Мы сидели и курили во дворе перед домом. Лени и Йенс жили в маленьком хуторе на «выселках» деревеньки Элликон ан дер Тур, прямо на границе кантонов Цюрих и Тюргау. Напротив нас, через дорогу, находился дом и ферма их единственных соседей. Больше рядом не обитал никто. Год назад здесь даже перестал ездить автобус – из-за нерентабельности ликвидировали остановку. Часов после восьми вечера тут наставала такая тишина, что нам, типичным городским жителям, даже резало уши с непривычки. Было слышно, как в траве передвигаются невидимые, ещё не устроившиеся на зимнюю спячку насекомые и где-то недалеко, скрытый сумраком, чешет себя за ухом кот Винюр, как машет крыльями пролетевшая птица, как где-то далеко, в соседней деревне, кто-то заводит машину и хлопает дверью, звук собственного голоса казался слышимым на километры вдаль... Лишь

иногда тихая идиллия нарушалась громким сопением или ударом копыта одной из небольших лохматых лошадей в конюшне, сбоку от дома, которых Лени и Йенс специально привезли из Исландии. Иногда чем-то громко чавкал старый, толстый и добродушный пёс Миро – вечно сонная немецкая овчарка.

В полном молчании мы докурили и пошли спать – завтра нас опять ждёт работа.

* * *

Буквально в каких-то неполных двух километрах напрямик вниз по пологому склону, через клубничное поле от дома, во дворе которого я этим вечером курил свой любимый крепкий «Кэмэл» без фильтра, за оградой из колючей проволоки на бетонных столбах, что абсолютно не было типично для Швейцарии, располагалось большое частное владение с кусочком леса и собственным прудом. Угрожающий забор был хорошо прикрыт разросшейся живой изгородью, сквозь которую в некоторых местах при дневном свете просматривалась утопающая в зелени небольшая вилла. Я несколько раз проходил мимо этого места, когда в свободное время брал на прогулку Миро и болтался с ним по окрестностям пешком. Как и всё необычное и таинственное, этот дом тоже возбуждал моё любопытство. В такой стране, как Швейцария, заборов вокруг частных домов обычно либо не быва-

ет вообще, либо они выполняют чисто декоративную функцию, просто обозначая границы участка. Загнутые же на концах бетонные столбы, обтянутые «колючкой», пусть даже и эстетично замаскированные декоративной растительностью, напоминали скорее секретный военный объект или уединённую психбольницу для общественно опасных пациентов. Тем не менее, это не являлось ни тем, ни другим.

Владелец этой старой виллы, пожилой мужчина с абсолютно выбеленными сединой, но всё ещё густыми и аккуратно зачёсанными на бок волосами, сейчас сидел в полумраке в небольшой деревянной беседке, овитой диким виноградом, на берегу своего собственного мини-пруда, задумчиво глядя на тёмную зеркальную поверхность воды. В сумерках уже нельзя было рассмотреть его лица, из одежды был виден лишь белый тёплый, видимо, по-домашнему вязаный, толстый свитер с высоким воротником. В отражении на поверхности пруда тускло поблёскивали никелированные колёса и поручни его инвалидного кресла.

Полтора часа назад в доме раздался телефонный звонок. Попросили его. Незнакомый молодой голос. Но потом трубку передали, и он сразу узнал человека на другом конце провода, узнал, хотя и не видел его уже как минимум двадцать лет. Они спокойно обменялись всего парой фраз и вежливо попрощались, пожелав друг другу спокойной ночи, хотя оба понимали, что сегодня, скорее всего, ни один из них спать не сможет.

И вот теперь он сидел в глубокой задумчивости, ещё раз анализируя то, что услышал по телефону, и вспоминал... Вспоминал то, что было очень и очень давно, ещё в его молодости и далеко отсюда. Пытался мысленно восстановить в памяти размазанные неумолимым временем детали...

Если бы человеческие мысли могли обретать какую-то материальную форму и передвигаться по свету, находясь в том или ином месте, о котором как раз думает в данный момент их автор, то его мысли бы наверняка прямо сейчас встретились с моими где-то в районе чешско-австрийских границ...

* * *

Плотно позавтракав перед дорогой, мы с Климентием рано утром сели в мой автомобиль «для внутришвейцарского пользования» – старую, но полностью исправную серенькую «Вольво-360», подаренную мне прямо на номерах двоюродной сестрой Эрика (в этой стране гораздо выгоднее подарить старый автомобиль кому-нибудь, чем платить достаточно круглую сумму за его сдачу на свалку). Машина стояла у Йенса и Лени перед домом, я постоянно оплачивал за неё необходимую минимальную страховку и пользовался ею во время своих приездов. Таким образом, благодаря этой замечательной семье я постоянно располагал в Швейцарии абсолютно всем необходимым – домом, питанием и автомобилем для работы.

Этим утром я предварительно ещё раз связался с человеком в Лозанне, и после взаимного подтверждения встречи мы отправились в путь.

Я просто обожаю это гениальное немецкое изобретение – автобан! Выехав на него недалеко от дома, я разогнался и включил пятую передачу. Выключил я её только через почти три часа пути и триста тридцать километров, перед съездом в нужный нам городок. Всю дорогу я ни разу не прикасался к ручке переключения скоростей.

* * *

Швейцария является абсолютно уникальным и единственным в своем роде государством в мире, по многим аспектам. Одним из таких аспектов можно считать и то, что в стране с населением всего-навсего в каких-то шесть миллионов человек официально существуют четыре (!!!) государственных языка: немецкий, французский, итальянский и рето-романский, – и, соответственно, четыре различные части страны, в которых эти языки используются, и не только языки. Кроме того, что въезжая, например, из немецкой во французскую часть этой уникальной федерации, вы видите, что все надписи, названия и даже дорожные знаки меняют свой язык, меняется и окружающая архитектура, люди и их поведение – вы въезжаете во «Францию». Из строгой и чинной немецкой культуры человек попадает в более открытую

и космополитичную французскую. На улицах резко бросается в глаза большое количество чернокожего населения, всё кругом гораздо более яркое и разноцветное, люди, даже на первый взгляд, ведут себя по другому, как-то более раскованно, что ли... А если, например, уткнувшись на юге швейцарской мини-«Франции» в берег прекрасного Женевского озера, вы повернёте налево и продолжите свой путь вдоль него и далее, на юго-восток, то через каких-то неполных сто километров очутитесь в весёлой и крикливой, пахнущей на каждом шагу пиццей «Италии»...

* * *

Владелец «Вольво», на моё счастье, владел и немецким языком, так что с помощью его объяснений по телефону (я одолжил на один день у Йенса его мобильный) мы быстро нашли нужный дом на окраине города.

Во время старательного осмотра машины я постепенно понял, что торговаться будет тяжело: автомобиль был просто в идеальном состоянии. Абсолютно не к чему придраться. Он на все сто процентов заслуживал свою цену, которая, в общем-то, меня тоже вполне устраивала, и я сразу знал, что куплю его и так, но... попытка – не пытка, у меня в запасе ещё были уже чётко отработанные «козыри» для охмурения «бедных» швейцарских граждан. И я с кислой миной приблизился к молча стоящему поодаль хозяину:

– Так... Автомобиль, конечно, в целом неплохой... М-м-м... Но как же так?.. По телефону вы говорили, что он цвет серый металлик... Это значит, по-моему, почти серебристый, а сейчас мы, проехав целых триста пятьдесят километров через всю страну, видим, что машина... э-э-э... почти чёрная?.. (На самом деле, «Вольво» имел абсолютно роскошный и очень популярный на российском рынке цвет – тёмный антрацитовый металлик с глубоким перламутром, от которого я и сам, по правде говоря, балдел... но что-то говорить надо было...)

– Я сказал... серебристый?.. – заволновался швейцарец.

Эти милые люди всегда испытывали огромное чувство вины, поставив кого-то в неудобное положение. На гнусном и бесстыдном использовании данного факта и строилась сейчас моя тактика – но, в конце концов, мне-то тоже жить с чего-то надо!

– Я уж не знаю, были это вы или ваша фрау, но мы точно ехали за серебристой машиной, – уже более уверенно наседал я, заметив его «правильную» реакцию.

– А... а этот цвет вам совсем не подходит? – проямлил обескураженный хозяин.

– Ну...

Далее, после получасовой дискуссии о возможной корректировке цены, с учётом всех сложившихся обстоятельств, я вытащил свой второй «козырь» – достав из кармана пачку наличных, сообщил, что в случае достижения консенсуса го-

тов заплатить ему прямо сейчас и, к тому же (О-о-о! На это они клюют почти все!), в купчей мы напишем гораздо меньшую цену, что для продавца означает экономию на налогах. И... Дело было сделано! Хозяин «упал»: в результате переговоров цена съехала вниз на целых две тысячи франков (тогда где-то около 1300 долларов), и мы перешли в дом, чтобы подписать все необходимые документы и передать деньги.

Выпив кофе и отметив с продавцом сделку рюмочкой изысканного коньяку (в Швейцарии допустимо определённое количество алкоголя за рулём), мы с Климом в прекрасном настроении расселись по машинам, решив перед возвращением перекусить в ближайшем ресторане.

Теперь мне было необходимо найти третьего водителя. Прямо из Лозанны я звякнул в Чехию и быстро договорился с одним из своих друзей – Либором, что уже сегодня вечером он выедет к нам поездом через Вену. Так как чехам визы для передвижения по Европе были не нужны, то это означало, что уже завтра утром я могу встречать его на вокзале ближайшего к нам города – Фрауенфельда. Всё выходило как нельзя лучше, и всю дорогу обратно я уже размышлял только о Ганновере...

Следующие два дня мы занимались переоформлением документов в полиции, получением страховок и транзитных номеров, а также походами по магазинам и «культурными акциями» – мероприятиями, которые я всегда проводил для своих друзей, в первый раз попавших сюда. Обязательны-

ми «гвоздями» культурной программы являлась прогулка по центральной улице Цюриха и, как говорят, «самой дорогой улице мира» – Банхофштрассе, на которой существует самая высокая на свете концентрация дорогих магазинов на метр длины, а также посещение самого большого и, наверняка, самого красивого в Европе водопада – Рейнфалл – у городка Шаффхаузен. Во всём этом участвовал и присоединившийся к нашей маленькой компании Либор, который заодно и привёз нам наконец-то сумки с нашими вещами.

На следующее утро мы попрощались, и Клим с чешским другом на «Вольво» и «Фольксвагене» отправились на восток, к австрийским границам. Я же нервно сидел на кухне почти два часа, пока не зазвонил телефон и Клим не сообщил о благополучном въезде в Австрию. Значит, у них всё в порядке. Теперь и мне пора было собираться.

Особо много багажа у меня, как обычно, не было, поэтому, кинув в «Ровер» свою единственную сумку, я потрепал за ухом лохматого Миро и сел за руль: Лени и Йенс были на работе, так что прощаться мне было больше не с кем, кроме этого добродушного пса.

Предварительно заправившись «под горлышко», я направился к очередной известной мне «дырке» в границах, но на этот раз на севере, с немецкой стороны.

Недалеко от замечательного городка Шаффхаузен и прекрасного водопада реки Рейн начинался не менее замечательный и очень большой, по европейским меркам, холми-

стый лесной массив, во всех направлениях пронизанный достаточно густой сетью грунтовых лесных дорог и дорожек, в некоторых местах даже аккуратно посыпанных гравием. По этим местам в сухое время года можно было совершенно спокойно передвигаться даже на легковом автомобиле, не говоря уже о таком вездеходе, как «Рейндж Ровер». В последний раз я проезжал здесь на «Форде Скорпио». Дорожки эти, судя по всему, служили для вывоза спиленных деревьев и общего ухода за лесом. Никаких знаков здесь, естественно, почти не существовало, и ориентироваться приходилось только лишь сохраняя направление с помощью компаса. Кое-где грунтовки были «слепыми», то есть кончались просто лесным тупиком. Там, куда я должен был попасть, находился лесной пункт пересечения границы, с двумя деревянными пограничными будками по сторонам гравийной дороги – немецкой и швейцарской, с соответственно болтавшимися около них флажками обоих государств и даже шлагбаумом. Но эти посты, созданные, видимо, для контроля случайных велотуристов или охотников во время летнего сезона, сейчас, как и большую часть года, должны были быть закрыты, а скрипучий деревянный шлагбаум я легко открою и сам...

Тем не менее, уже третий раз попав в тупик, я понял, что, видимо, всё-таки заблудился. Не оставалось ничего иного, чем, как слепой котёнок, начать тыкаться в разные дырки и искать дорогу наобум. Причём самое жуткое было то, что в случае, если я завязну в каком то болоте или, не дай Бог, у

меня в этом лесном лабиринте кончится бензин, то при полном отсутствии какой-либо связи с внешним миром моя ситуация могла бы быть более чем плачевна – рассчитывать на то, что кто-то вдруг случайно проедет мимо и найдёт меня, было абсолютно бесполезно. А не зная точно своё местонахождение, выбираться отсюда пешком по компасу я мог и два дня, на что не было ни еды, ни воды, ни сил.

Почти через четыре часа болтания туда-сюда в огромном лесу, по разным тупикам и опасным глубоким осенним лужам, на конце одной из дорог показалось какое-то строение, и, подъехав поближе, я обнаружил маленькую лесопилку, за которой уже начинался асфальт. Ещё через десяток километров мой по крышу заляпанный грязью джип с почти уже пустым бензобаком влетел в небольшой населённый пункт, который, судя по номерам запаркованных всюду автомашин, находился уже, слава Богу, в Германии. В центре деревушки, на перекрёстке, стоял большой указатель, на котором я с радостью увидел обозначение дороги в направлении на Роттвайл и Штутгартский автобан «А-81». Не теряя зря времени, я повернул в нужную сторону и поспешил побыстрее убраться из небезопасного приграничного района.

IV

Староста, не без участия местного жителя Янке, проявил такую щедрость к отступающим немецким частям, что около десяти фон Шенкоф послал связного в лагерь за одним из грузовиков для перевозки провианта и раненого полковника во временное расположение колонны СС. Гораздо быстрее бы с этим заданием справился полугусеничный транспортёр, но подумав, что в случае, если их увидят с воздуха, крытый брезентом грузовик без опознавательных знаков выглядел бы более безобидно, оберштурмфюрер приказал выкинуть мебель и пригнать в деревню наименьший из имевшихся в наличии и единственный не покрытый пятнами камуфляжа – трёхтонку «Рено» грязно-мышинного цвета. Машина пришла через час, с одним из эсэсовцев дивизии «Das Reich» за рулём, который сообщил, что водители-венгры сбежали и со своими винтовками, а Крошка, оставшийся за командира, узнав об этом, даже не послал никого на их поимку.

Война для Венгрии уже фактически кончилась, фон Шенкоф и сам, собственно, не видел причин задерживать этих людей, даже не находившихся официально в его распоряжении, тем более, что колонна направлялась на запад, в сторону противоположную их родному дому. Единственное, что его беспокоило – это возможность их поимки патрулями противника и, соответственно, быстрое обнаружение его колон-

ны.

«У этих несчастных мадьяр¹⁰ нет ни малейших причин рисковать собственной шкурой перед русскими, чтобы наскрыть. Тут уж каждый за себя, а мы им сейчас совсем не братья и далеко не товарищи, так же, скорее всего, сдадут сразу, даже если их не будут специально спрашивать, просто чтобы заслужить доверие “Иванов” и купить себе пропуск домой... Но и в этой ситуации Крошка, видимо, был прав: в любом случае, специально нарываться на советские части вооружённым венграм в немецкой форме не было резона, так что наверняка постараются проскользнуть незаметно. Организация же карательной экспедиции с целью их поимки на совершенно открытой местности только привлечёт ещё больше внимания, если что...» – с такими мыслями он наблюдал, как несколько его подчинённых затаскивают в кузов серого «Рено» свежесвеженный хлеб, копчёности, домашнее вино, трёх свежесрезанных свиней, картофель и ещё много того, что он и сам уже долго не видел. При этом староста всё время стоял рядом и припоминал, что он сделал действительно всё, что мог и что обещал, а теперь очередь за ними – чем быстрее, тем лучше отъехать отсюда и не ставить под угрозу деревню, которая им так помогла.

Когда погрузка провианта была закончена, два эсэсовца из сапёрного взвода осторожно вынесли и положили в ку-

---

¹⁰ Мадьяры – венгры, термин, используемый в европейских странах и в самой Венгрии.

зов полковника люфтваффе на привезённых носилках, а Янке лично перенёс его мешки и окованный ящик в грузовик и добровольно уселся рядом, на борт, явно с целью их охранять. Оберштурмфюрер очень удивился, заметив это: он был уверен, что уж именно Йозеф-то наверняка уже не захочет возвращаться и попросит его о разрешении остаться дома с семьёй, и, естественно, Янке не мог этого не знать, получит его... Потому что совершил невозможное. Во время последних боёв в Вене именно он, рискуя собой, спас своего командира, вытащив его, оглушённого взрывом и без сознания оставшегося в горящей самоходке, под обстрелом вражеских снайперов, пулемётов, миномётов и этих двух огромных тяжёлых гусеничных монстров «Иосиф Сталин», бивших по ним прямой наводкой из своих жутких 122-мм орудий с расстояния менее чем в триста метров. Всё кругом разлеталось в клочья и пыль так, что, казалось, ничто живое не может при этом уцелеть, выжить... Толстые стены добротных кирпичных особняков на окраине города, казавшиеся вечными и непоколебимыми, под ударами русских танковых пушек просто рассыпались в песок. Гул и грохот был так силён, что выбивал большинству притиснувшихся к руинам солдат обеих сторон барабанные перепонки, превращая для них всё окружающее в звенящую тишину кадров немого кино... фильма-катастрофы...

Несмотря на то, что было около трёх часов дня, на улице, где шёл бой, практически стемнело, так как дым, пе-

пел и серо-оранжевая удушливая кирпичная пыль, поднимаясь вверх, абсолютно закрывали солнечный свет. Картина напоминала Апокалипсис... Когда Янке, сам полуглухой от заполнявшей уши после очередного близкого взрыва, собственной запёкшейся грязной крови, с лёгкими, носом и ртом, полными липкого тестообразного месива, состоящего из смешавшихся с человеческими слизистыми выделениями всепроникающих микроскопических частиц кирпичной пыли и штукатурки, под шквалом пуль рванул к подбитой бронемашине, он даже не знал, жив ли ещё его командир... Его собственные шансы выжить на пути туда и обратно были при этом явно менее пятидесяти процентов, но он побежал. Через примерно минуту после того, как он оттащил оберштурмфюрера в сторону, в открытый взрывом канализационный отвод, самоходка – один из последних уцелевших к этому времени в немецкой армии, в пятнистом, как настоящая пантера, камуфляже, «охотник на танки» «Jagdpanther»¹¹ фон Шенкофа – разлетелась на дымящиеся куски, получив почти одновременно два прямых попадания от русских тяжёлых танков.

После этого, в нарушение субординации, офицер разрешил своему подчинённому называть себя по имени. Йозеф Янке был старше его почти на десять лет, был женат и имел

---

¹¹ «Jagdpanther» – немецкая самоходная установка на шасси танка Т-5 «Пантера» – (Panzer V-«Panther»), имевшаяся на вооружении и в дивизии СС «Дас Рейх».

двоих детей. То, что он добровольно совершил несколько дней назад ради своего молодого командира-холостяка, то, чем он при этом рисковал, невозможно было оценить никаким орденом и никакими деньгами и званиями... И оба это знали.

Кто поместился, насккали в кузов, остальные повисли на скрипящих подножках и бортах старенького «Рено», пятнадцать минут – и они на месте, в небольшой роще на холме. Сразу после приезда к командиру подошёл Крошка и доложил о происшествии с венграми и своих действиях, точнее, об их отсутствии. Фон Шенкоф лишь кивнул в ответ головой и тут же, обернувшись, увидел, что все три украинца сидят без оружия и ремней около одного из грузовиков, со связанными руками и под охраной двух автоматчиков.

– В чём дело, Завацки? Почему вы их разоружили?..

– Когда эти мадьяры сбежали, герр оберштурмфюрер, мы решили вот с Герхардом, – Крошка кивнул на одного из присутствующих унтерофицеров, – что их лучше тоже на всякий случай обезопасить... Чтобы не свалили к своим...

– Вы решили???.. Я, Завацки, был лучшего мнения о ваших умственных способностях!.. К «своим»?.. Во-первых, обершарфюрер, если вы не заметили, в отличие от убежавших вольнонаёмных венгров из вспомогательных сил Вермахта, это ваши коллеги из ваффен-СС, хотя и восточного состава, сложившие присягу нашему фюреру Адольфу Гитлеру и рейху, так же как и вы, которым, во-вторых, чтобы по-

пасть к русским, надо было всего лишь только остаться тихо и спокойно в одном из венских госпиталей, из которых они бежали к нам и приняли участие в боях в городе!!!.. А в-третьих, напрягите, к чёрту, свои извилины! Если кто-то из присутствующих и побежит к «иванам», так только не они! Эти лучше перегрызут себе вены, чем сдадутся Советам, вы хоть немного представляете, обершарфюрер, что их ждёт у этих «своих»??? Немедленно извинитесь и выдайте им обратно их оружие и всё остальное!.. Выполнять! Кру-гом! Марш!

Александр фон Шенкоф сам по себе не был наилучшего мнения об организации так называемых «СС восточного набора». Набор славян, мусульман, кавказцев и других «негерманских» народов «второго сорта» в ряды ваффен-СС, провозглашённых в начале этой войны Гиммлером за элиту элит Третьего рейха, логически нарушал всю структуру предвоенного духовного воспитания и мировоззрения немецкого народа. Голландцы, бельгийцы, норвежцы, прибалты, этнические немцы из Румынии, наконец, это ещё куда ни шло, но славяне?!.. Хотя, как он заметил, и в настольной книге офицерского корпуса СС – «Майн Кампф» – можно было проследить мысль фюрера о том, что русские, например, как народ, вполне достойны нормальной жизни, требуется лишь освободить их от еврейско-коммунистического ига и взять под правильное руководство какого-нибудь германского народа, под которым они, кстати, так-таки долгие годы процветали и благополучно развивались в Средних веках... К тому

же, за четыре года, что он провёл на Восточном и Западном фронтах, он научился уважать своих восточных противников, а также в боях с ними сильно разуверился в их провозглашённой «второсортности».

Все старые ветераны СС, – а Александр фон Шенкоф в свои двадцать семь лет, из которых полных четыре провёл как боевой офицер, считал себя таковым, – одновременно ненавидели и уважали «иванов». Уважали тем способом, как боксёр на ринге уважает и одновременно подсознательно боится себе равного бойца, в предчувствии тяжёлого поединка с неясным концом, злоба и ненависть приходит уже во время боя, после первых взаимных ударов. Вообще, события этой войны, именно на Восточном театре военных действий, сильно ломали в последнем десятилетии пропагандистски сформированные стереотипы немцев – эти самые «подлюди», хотя и ценой огромных потерь, но всё-таки выгнавшие немецкие армии с предместий Москвы, сами стояли сейчас уже у ворот святая святых Германии – Берлина, сам факт завоевания которого был теперь лишь вопросом времени и ещё нескольких десятков, а может быть и сотен тысяч уничтоженных жизней на обеих сторонах, что, впрочем, видимо, никого в данный момент не интересовало – уже бессмысленная бойня в разгромленной столице того, что ещё недавно гордо называлось Тысячелетним Рейхом, принципиально продолжалась до «полной победы», а люди «второго сорта» сейчас уже почти в упор расстреливали из своих

далеко не второсортных танков и ракетных установок здания правительства, с таким пафосом провозгласившего их за «*untermensch*»¹².

«Цивилизованный запад», в лице Америки и на американские же деньги, открыл свой второй фронт в момент, когда исход войны в Европе был уже фактически полностью предрешён Советами и их Красной Армией, видимо, из страха, что русские дойдут до Атлантического побережья и установят свои коммунистические порядки на всём Старом Континенте. При всём при том, что большинство подразделений СС в конце войны ставило себе как последнюю цель сдачу в плен именно западным союзникам, делали это исключительно из чувства самосохранения, желая попасть в руки гуманнейшего, а потому и слабейшего противника. Уважение, страх и ненависть русских фронтовых бойцов и немецких СС были взаимными и одинаковыми, потому что принципы их войны были тоже одинаковы: самоотверженность, отвага, безжалостность к врагу, жестокость... На обеих сторонах пленные в большинстве случаев долго не оставались живы... По мнению многих, кто прошёл с «*Das Reich*» Восточным и Западным фронтами и имел возможность сравнения, одна хорошо вооружённая и обстрелянная дивизия Красной Армии в бою стоила минимально пяти английских или американских, а то, что называлось французскими освободительными частями, ветераны СС вообще считали неудачно орга-

---

¹² Untermensch – по-немецки «подлюди», люди низшего сорта.

низованной клоунадой, пародией на армию. Хотя всё это и относилось к «высшим», западным расам...

14-я добровольческая дивизия СС «Galizien», или Украинская № 1, была фактически единственным комплекtnым славянским формированием ваффен-СС такого уровня, принимавшим активное участие в боевых действиях на Восточном фронте, хотя и с полностью немецким командным составом. Впервые, как полноправная дивизия, она участвовала в обороне г. Броды в составе 13-го корпуса немецкой 4-й танковой армии во время Львовско-Сандомирской операции, где нанесла тяжёлый ущерб наступающим войскам советского 1-го Украинского фронта, хотя и сама в сражениях в «Бродском котле» была полностью разгромлена: из почти 12000 человек личного состава, принимавших участие в боях на этом участке фронта, из окружения пробилось к немецким линиям лишь около тысячи. После переформирования и набора нового состава участвовала в боевых операциях против известной партизанской бригады Ковпака уже на территории Словакии, а сейчас, насколько знал ситуацию фон Шенкоф, основные силы украинской дивизии СС тоже были где-то неподалёку, на юге или юго-западе Австрии.

Короче, с точки зрения оберштурмфюрера, военнослужащие именно этой части были вполне достойными уважения фронтовиками. Все трое имели боевые награды за ранения и противопартизанские акции разных степеней, а один, ар-

тиллерист, кажется, Паленко или Павленко – фон Шенкоф плохо запоминал славянские фамилии – даже имел немецкий Железный Крест 2-й степени.

«В конце концов, если с нами воюют словаки, венгры и хорваты, так почему не украинцы?.. В данный момент можно только радоваться, что хоть кто-то ещё находится на нашей стороне... Засранные союзнички, Болгария, Румыния и даже «макаронники», не просто бросили Германию в трудную минуту – они обернули своё оружие против нас... Фюрер выбрал плохую компанию. В Польше в тридцать девятом мы ещё жали Советам руки, кто знает, где бы сейчас были Черчилль с Рузвельтом, если бы эта дружба продолжилась?.. Тяжело представить, кто бы мог противостоять такому союзу... Н-да...» – офицер СС обернулся к грузовику:

– Герр полковник, всё в порядке? Как ваша спина?

– Спасибо, всё так же плохо... Каковы ваши планы на ближайшие часы, оберштурмфюрер?

– Как старшего по званию, герр полковник, я обязан спросить вас.

– Перестаньте, я знаю правила, но, несмотря на звание, я, как видите, не способен вами командовать, а к тому же ваши люди не являются частями ВВС или регулярной армии. Единственное, чего я бы хотел, это предварительная консультация всех ваших действий со мной и передача мне информации о нашем актуальном положении. У вас полно хлопот с личным составом, а у меня как раз есть время на

размышления и анализ ситуации... как в шахматах, оберштурмфюрер, да?.. – лётчик попытался улыбнуться.

– Так точно, герр полковник... – эсэсовец оценил, как элегантно и незаметно для окружающих у него из рук взяли командование колонной, а все присутствующие нижние чины даже не уловили этого...

При разгрузке продовольствия у солдат сразу приподнялось настроение – многие из них уже месяц не видели горячей пищи и настоящего свежего мяса, не говоря уже о остальном богатстве, находившемся в грузовике. Зная это, офицеры решили пренебречь мерами предосторожности и разрешить людям развести костры и приготовить горячие обеды: никто не знал, когда ещё им снова представится такая возможность. На случай неожиданного разделения группы при атаке противника или по иным причинам было также решено не складировать оставшийся провиант централизованно, а сразу распределить между всеми членами личного состава, по возможности равномерно.

Тем временем вернулся на мотоцикле Майер, который принёс сообщение о том, что в небольшом пограничном городке Никольсбург, километрах в десяти от них, русские, проезжая колоннами на Брно, оставили небольшой блокпост, человек двадцать. И что, судя по всему, это пока единственная советская воинская часть, постоянно находящаяся в близких окрестностях. На главной дороге, по словам Майера, уже появились караваны беженцев, идущие прежде все-

го на юг и запад, в англо-американскую зону, в направлении, противоположном движению русских колонн.

– Да, Майер, – фон Шенкоф обратился к подчинённому, – а что твоё поручение относительно прослушивания эфира?..

– Два человека работают, оберштурмфюрер.

– Подите, спросите у них, есть ли что-то интересное.

– Есть, герр оберштурмфюрер!

Через десять минут Майер появился с листком бумаги в руке и протянул его офицеру со словами:

– Плохие новости, герр оберштурмфюрер...

– Дай-ка, – фон Шенкоф пробежал глазами неровно написанные строчки: – «Рурский котёл» уничтожен... англо-американские части уже полностью заняли всю Порурскую промышленную область... По приблизительным подсчётам, взято более 300 тысяч пленных... Весь восточный берег Рейна в руках союзников... Мой Боже! Так быстро?.. – он поднял голову и посмотрел на полковника. – Не думаете, что это может быть дезинформация?..

– Дезинформация?.. Что вы, Шенкоф, в отличие от Геббельса, у «янки» нет оснований врать и поддерживать моральный дух своей армии различным бредом. Как вы сами, надеюсь, заметили, реальность превосходит даже их собственные наилучшие ожидания: непобедимая немецкая армия сама спешит сдаваться им в плен, просто чтобы не попасть к русским... А кстати, что говорят они?..

– «...Тяжёлые бои на окраинах Берлина... Красная Ар-

мия входит в северную часть города, танки прямой наводкой обстреливают центр... Острова ещё держится... упорные бои... Сегодня началось генеральное наступление на Брно...»

– Это, по крайней мере, точно не дезинформация, это даже мы слышим... – пилот мрачно усмехнулся, кивнув в сторону, откуда постоянно доносились отзвуки непрерывной канонады. – Без порурских фабрик и военных заводов Германия безоружна, железнодорожная сеть разгромлена, армии спешат сдаться в плен, чтобы не подохнуть бессмысленно в уже проигранной войне... Как, фон Шенкофе, на сколько поставите?.. Неделю, десять дней... Или, быть может, конец придёт уже завтра? Как вы думаете?..

– Не знаю... Надо собрать солдат, полковник. Думаю, будет лучше, если они услышат это от меня, чем шёпотом от своих коллег, что слушали радио. Я старался всегда быть честным к своим подчинённым и сейчас считаю это особенно важным. Только взаимное доверие командира и его солдат позволит победить в бою...

– Вы ещё употребляете слово «победить», мой друг?..

– Да, полковник, даже если Германия проиграет эту войну, это не значит, что мы... каждый из нас, проиграл свой собственный бой.

– Не понимаю, о чём вы говорите...

– Я не проиграл, полковник, и, если могу говорить за своих людей, они тоже... Я преданный сторонник нашей идеи и

фюрера, но думаю, что эту войну проиграли не мы, кто честно дрался с оружием в руках, а те, кто бездумно командовали нами сверху...

– Я вынужден остановить вас, фон Шенкоф, пока вы не перешли на конкретные фамилии...

– Не бойтесь этого, я их просто не знаю. Я знаю лишь то, что эту войну мы проиграли ещё в сорок первом, хотя тогда мало кто это понимал. Мне для осознания этого факта потребовалось четыре фронтовых года...

– Интересная философия, хотя мне пока не совсем понятны все ваши словесные формулы. Надеюсь, что у нас будет время подискутировать об этом, но не здесь и не сейчас. Вы, кажется, собирались прояснить ситуацию со своими людьми? Накормите личный состав и сообщите мне потом о ваших планах на вечер, – полковник откинулся назад, давая понять, что беседа окончена.

Неожиданно сверху послышался завывающий звук авиационного мотора. Самолёт был уже близко, почти над лесом, ясно видимый в небе сквозь ещё редкую весеннюю листву. Из-за постоянного грохота орудий с севера, откуда появился и аэроплан, никто не услышал его приближение раньше. Одинокий старенький советский ночной бомбардировщик «ПО-2» с красной звездой на хвосте сейчас, среди бела дня, медленно приближался к деревне вдоль дороги, по которой этой ночью проехала колонна СС.

Эти машины уже практически не использовались на

фронте. Биплан устаревшей конструкции «ПО-2», или «Поликарпыч», как его ласково, как дедушку, называли бойцы Красной Армии, со своими стянутыми верёвками двумя крыльями, открытой кабиной и «черепашьей» скоростью передвижения в середине двадцатого столетия, скорее был ностальгическим воспоминанием о Первой мировой войне, чем боевым самолётом, хотя в начале Великой Отечественной, из-за недостатка техники, на фронте использовался и подобный раритет. Но так как днём летать с такой скоростью над немецкими позициями, защищёнными современными зенитными орудиями и пулемётами, не говоря уже об авиации, равнялось самоубийству, его боевая функция сводилась к сбрасыванию бомб хотя бы в тёмное время суток, когда имел хоть какие-то шансы на успех, откуда и произошло гордое название «ночной бомбардировщик». К концу войны деятельность этих самолётов на фронте сводилась к аэрофотосъёмке местности, тыловым перевозкам и иногда, вследствие уже почти полного отсутствия в воздухе немецких ВВС, рекогносцировке артиллерийского огня на передовой линии.

Кашляя своим поршневым двигателем, как старый автомобиль при переключении передач, самолёт медленно приблизился к лесу на холме, пролетел над деревней и начал разворачиваться в направлении кучки винных погребов на склоне холма, где как раз стояли немцы. Облетев небольшой лесок, «Поликарпыч» сбросил газ, развернулся, «отрыгнул»

пару раз и с надрывным хрипом мотора стал заходить на второй круг.

Полковник и офицер СС наблюдали за ним с грузовика, все остальные, перестав есть, смотрели на него из леса. Хорошо замаскированная машина ПВО в кустах на окраине, как заметил полковник, и без приказа неотрывно следовала за каждым движением самолёта, разворачивая в его направлении свою четырёхствольную установку, готовую в любое время открыть огонь – сразу было ясно, что эстонский экипаж тоже не новички на фронте. К грузовику подбежал их командир, фельдфебель, и с сильным балтийским акцентом спросил фон Шенкофа, что ему делать – стрелять или нет.

– Подождите пока, – ответил эсэсовец.

– Эй!.. – полковник опять привстал. – Сейчас же прикажите снять его, оберлейтенант! – он неожиданно обратился к фон Шенкофу его армейским вариантом звания, что не было принято в отношении офицеров СС. Видимо, был сильно взволнован.

– Но этим мы откроем наше местонахождение! – возразил тот.

– Шенкофе, поверьте моему опыту, если здесь уже мотается этот летающий пылесос, значит, вас уже кто-то видел, но просто ещё не знает точно вашу позицию!.. Это не разведчик, это наводчик! Я знаю, как и для чего русские используют эти самолёты. Снимите его сейчас же!.. – он повернулся к эстонскому фельдфебелю люфтваффе. – Слышали?! Сни-

мите его! – и, обернувшись к фон Шенкофу: – Надеюсь, что он ещё не успел передать координаты, если решил зайти на второй круг! Пилот нас ещё не видит или, по крайней мере, не уверен! Не думаю, что нас сдал староста: пока я там лежал, у него было миллион возможностей сдать меня и выслужиться... Не сдал... Кто вас видел, Шенкофе?..

– Убежали три мадьяра – водители, а утром пролетали русские штурмовики, хотя вряд ли нас видели: летели очень быстро и на Брно...

– Почему ничего не сказали мне?!.

– Не думал, что это важно, герр полковник, русские самолёты летают над нами каждый день и...

– Чёрт возьми! А вы тут продолжаете преспокойно сидеть, Шенкофе?.. Штурмовики – это не просто самолёты, это самолёты для уничтожения наземных целей. Их экипажи специально тренированы, чтобы видеть замаскированные танки, траншеи, ДОТы и т. п., в отличие от остальных ВВС, они научены смотреть именно вниз, а не вверх, и смотреть пристально!.. Я не знаю, кого вы имели в виду там наверху, кто проиграл войну, но сейчас делаете то же самое! Чёрт вас дерит! Недооценка противника – вот причина всех наших бед! Лучше переоценить и быть готовым к наихудшему, чем... Вы, оберлейтенант, если над вами пролетел русский самолёт, должны действовать исходя из того, что он вас засёк, а не наоборот...

Его речь прервало громкое стаккато 20-миллиметровой

четырёхствольной установки ПВО на краю леса.

* * *

Нарваться здесь на вражескую зенитную установку такого класса, как стояла сейчас внизу у винных погребов, замаскированная ветками кустарника, русский пилот явно не рассчитывал. По всем данным, противника в этом районе быть не могло: кто-то из штурмового авиаотряда просто видел, пролетая на Брно со случайным отклонением курса, где-то в окрестностях какой-то затерявшийся танк и пару человек вокруг него, или что-то подобное, – танк был вроде как немецкий... Ничего конкретного. Одни «может быть» и «вроде как».

Кругом простирались лишь открытые поля и виноградники, мест, пригодных для маскировки тяжёлой техники, практически не было. Задача состояла лишь в том, чтобы проверить на всякий случай донесение штурмовиков – обычная армейская рутина. Пилот был уверен, что, как обычно, полёт кончится ничем: «Эти фрицы сейчас думают только о том, чтобы побыстрее убраться на запад, только идиоту придёт в голову окапываться здесь, в нашем тылу, и ждать верной смерти!».

К тому же было известно, что в районы с предполагаемой реальной возможностью дислокации немецких боевых частей никогда не посылали на дневную разведку тихоход-

ные «ПО-2».

Он, спокойно развернувшись, шёл на снижение, чтобы как следует разглядеть небольшой лесок прямо под собой, когда сначала почувствовал острую боль в ногах, а потом уже услышал долетевшие звуки выстрелов. Внизу на опушке он увидел вспышки огня, вылетающие из четырёх стволов в его направлении. Сразу понял всё. Крылья и целый корпус кучно и равномерно пронизывали явно крупнокалиберные пули – шансы на спасение $\pm$ ноль. Старенький мотор окутался дымом, получив несколько попаданий, но, на удивление, кряхтя, всё ещё тянул машину вперёд. Пилот, включив рацию, закричал:

– Лес! Лес на холме у деревни! Зенитная установка! Номер сто четыре подбит, падаю! Падаю!.. – он отстегнул ремни и попытался выбраться из самолёта, но ноги не слушались, а силой только одних рук вытащить целое тело из простреленной узкой кабины не получалось...

Рация молчала, не слышно было даже привычного шипения. Пилот потянул на себя штурвал, чтобы хотя бы по инерции набрать высоту. «ПО-2» резко пошёл вверх, начиная «мёртвую петлю», в этот момент, вследствие уже небольшой скорости машины, непривязанный пилот вывалился из кабины на верхнее крыло и, больно ударившись спиной, полетел вниз, к своему удивлению опережая ещё планирующий вверх дном самолёт.

Эстонцы продолжали вести прицельный огонь, и вскоре «Поликарпов», с отрезанным пулями крылом камнем полетел вниз. Взрыва не последовало, останки самолёта, упав, просто начали гореть на земле, примерно в полукилометре от леса.

Одновременно с началом «мёртвой петли» на небе раскрылся парашют и сейчас приближался прямо к деревьям на холме. Ветра не было, и поэтому не трудно было определить место приземления. Эсэсовцы поспешили к северной опушке.

Высота прыжка была небольшая, и вскоре лётчик коснулся ногами вспаханного поля в пятидесяти метрах от крайнего винного погреба у края леса. Парашют, неспешно падая, накрыл его тело. Человек не двигался. Обстрелянные немецкие солдаты уже знали все финты русских: они даже раненые старались уничтожить как можно больше людей противника и, притворяясь мёртвыми, ждали, пока немцы подойдут близко, а уж потом стреляли из пистолетов и кидали гранаты.

На более-менее безопасном расстоянии эсэсовцы окружили место падения парашютиста и остановились с автоматами, наведёнными на скомканный шёлк и фигуру под ним. Крошка поднял руку вверх – «стоять» – приблизился к пилоту и приподнял парашют, держа пистолет наготове.

Тело в лётном комбинезоне не двигалось, не стреляло и не бросало гранаты. Около его ног на сухой твёрдой земле расплывалась тёмная кровавая лужица. Глаза были закрыты. Расстёгнутый шлемофон от удара о землю приоткрыл голову, показав растрёпанные длинные русые волосы – это была женщина. Точнее, девушка, максимум лет двадцати. В цепи пронёсся вздох. Крошка, подойдя к лётчице, вынул из её кобуры пистолет «ТТ», прошмонал комбинезон и, вытащив две гранаты «Ф-1» из бокового кармана, склонился над телом. Она ещё дышала.

– Валите за Шенкофом! Скажите: пилот – баба, ещё жива! Всем вернуться в расположение!

– Да! А ты её тут пока ещё «пошмонаешь» пару раз, досмотришь с пристрастием... чё?! – отозвалась откуда-то сзади неуместная шутка.

Крошка медленно повернулся. Этого не мог сказать никто из его боевых товарищей из «Das Reich» – принципиально никогда Крошка не пользовался своей огромной физической силой, чтобы поиметь женщину даже во время войны, и презирал всех, кто это делал, – это было его кредо.

Он мог голыми руками убить человека в рукопашном бою. За дополнительные деньги к его армейской зарплате, без зазрения совести он добровольно участвовал в расстрелах, производимых в дивизии, – это объяснял легко: «...если кого-то отсудили к смерти, то он в любом случае – уже мертвец, а я на этом хотя бы заработаю, не причинив никому вреда».

Но при этом к слабому полу он относился с каким-то трепетом, не позволяя себе даже обычных солдатских грубостей, не говоря уже о том, чтобы как-то воспользоваться тем, что женщина попала в тяжёлое положение...

...Судя по всему, неосторожную глупость произнёс высокий молодой солдат, один из тех, что к ним прибились в Вене, в форме пехотинца СС, на вид лет восемнадцати.

– Слушай, мальчик, – Крошка посмотрел на него, – держи свой сраный язык за зубами. Иначе я трахну тебя пулемётным стволом в задницу без вазелина! Сейчас же позови оберштурмфюрера сюда! А от этого момента, ты – мой подшефный, буду тебя воспитывать в духе лучших традиций СС...

– Чего?..

– Ничего! Беру тебя под крылышко, цыплёнок, води себя хорошо – и будешь в порядке. Шаг в сторону – расстрел. Понял?

– Па-ашёл ты, дедушка! Сам тёлку для себя оставляешь, это разве принцип СС?! Товарищество прежде всего... – Юноша, видимо, предварительно лакнув на голодный желудок деревенского абрикосового самогона, ещё не понял, что сильно перегнул палку, и всё ещё продолжал свою глупую шуточку...

Он не договорил. Крошка, сделав три шага, уже держал молодого солдата за воротник так, что его ноги болтались в воздухе.

– Ты меня, срань господняя, не учи, что такое принципы СС, твою мать... Скажи спасибо, что я тебе сразу шею не сломал! Эта баба есть военнопленный по всем статьям, а к тому же умеет летать на самолёте!.. Ты же, говно собачье, из винтовки-то стреляешь, небось, кое-как, а уже тут ораторствуешь о принципах СС!

– Да па-ашёл ты!.. – в запале повторил молодой.

– Ну... – Крошка поставил его на землю и тут же всадил ему такой удар снизу в челюсть, что юноша упал на землю без чувств, очевидно, получив лёгкое сотрясение мозга. – Говно собачье!.. – провозгласил двухметровый верзила. – Эти дегенераты из Гитлерюгенд только и умеют болтать и прыгать под танки! Камикадзе в обосранных пелёнках! В идиотской вере, что их смерть спасёт Германию!.. А сами... Тьфу!..

Сзади подошёл фон Шенкоф. Увидев девушку, он сразу направился к ней, на ходу бросив:

– Если этот валяющийся солдат, – он кивнул на лежащего на земле молодого эсэсовца, – опять дело ваших рук, Завацки, жду объяснений...

Лётчица не двигалась и не проявляла никаких признаков жизни кроме еле заметного дыхания. Обе её ноги были на-вылет прострелены двадцатимиллиметровой зениткой, причём в левой была явно повреждена кость – это было видно из неадекватного сгиба посередине бедра: её нога образовывала кривую латинскую букву «Z» с коленом в двух местах. Неприятное зрелище.

Оберштурмфюрер приказал принести носилки и перевязать девушку. Он считал себя уже бывалым солдатом, но вид раненых детей или женщин постоянно приводил его в состояние прострации, даже если последние и были в военной форме. Женщина в его восприятии всегда была возвышенной особой, целью стремления, мечтой... Его дворянское традиционное воспитание в почти что рыцарских традициях не допускало мысли о том, что женщина может быть его противником... Во всех книгах, которые он читал в юности, мужчины женщин защищали, завоёвывали, сражались из-за них на дуэли, спали с ними, в конце концов, но не убивали...

– Завацки! Отнесите её и постарайтесь не угробить, чёрт вас дерит! Она нам нужна живой, чтобы выяснить, знают ли о нас русские, откуда и что... Понял?!

– Так точно, герр оберштурмфюрер!

В лесу Шенкофа сразу позвал к себе полковник:

– Приношу извинения за свою несдержанную реакцию, оберштурмфюрер. Учитывая, что начиналось светлое время суток, когда вас засекли бы при передвижении на 100 %, оставшись здесь, вы поступили правильно – так имеем хотя бы шанс... Я просто уже теряю нервы... В каком состоянии русский пилот?... Может говорить?

– Боюсь, что пока нет. Ваш коллега прекрасного пола, полковник, сейчас, судя по всему, находится в шоке от ранения и потери крови. Без сознания.

– Женщина?

– Да.

– Что собираетесь с ней делать?

– Мы, как видите, не в том состоянии, чтобы брать пленных, тем более раненых, герр полковник, но и в бессмысленных убийствах я тоже не вижу смысла... К тому же, я бы хотел всё-таки услышать от неё, что знают о нас русские... Если вообще удастся привести её в чувство... Наши медицинские возможности тоже очень и очень ограничены.

– Там, в деревне, меня осматривал какой-то местный доктор, кажется, он чех, но судя по тому, что не привёл русских – не болтает лишнего. Пошлите за ним кого-нибудь, Шенкофе, если не хотите просто ждать, пока наша раненая дама умрёт в этом богом забытом лесу, не сказав нам ни слова. Да, и ещё погасите и замаскируйте остатки её самолёта – скоро его наверняка хватятся и пошлют кого-то на поиски, а каждый час их промедления – наша надежда дожидаться суверенных. Бронетехнику, скорее всего, придётся оставить здесь, подумайте об этом...

Эсэсовец кивнул и, соскочив с грузовика, направился в глубь леса, где солдаты продолжали прерванный обед. Подойдя к замаскированному бронетранспортёру, он встал на его капот и приказал всем, кроме людей на расставленных наблюдательных постах с четырёх концов леса и в танке, построиться полукругом в две шеренги вокруг него. Его распоряжение было молниеносно исполнено.

Оберштурмфюрер, тяжело вздохнув, окинул взглядом

своих измотанных подчинённых. Прокашлялся.

— Хочу вам сказать следующее, — начал он без обращения. — Все вы знаете о положении на фронтах... Сегодня из радиопередач мне стало известно, что западные союзники уничтожили «Рурский котёл», русские уже входят в Берлин с севера, идут бои у Брно и Остравы, которым мы уже, к сожалению, не можем помочь... Я всегда считал, что лучшая политика по отношению к моим подчинённым — это политика открытая и правдивая. Я был и остаюсь твёрдым сторонником нашей идеи, но, как честный член партии и боевой офицер, обязан признать тот факт, что эту войну мы уже проиграли. Все вы честно сражались и пролили достаточно крови, такие люди как вы необходимы для будущего... Чёрт побери! — он приостановился и на какое-то время посмотрел вверх, на небо. — Я не знаю, что я должен вам в таком случае говорить! Надеюсь, что поймёте... да... я не умею произносить красивые речи на митингах... Короче, как ваш командир, я считаю, что преднамеренное вступление в соприкосновение с противником в данной ситуации не имеет для нашей конкретной группы смысла. Это принесёт лишь бессмысленные потери на обеих сторонах. Считаю необходимым отойти из зоны действия Красной Армии как можно дальше на запад и попытаться проскользнуть... Проскользнуть! Я никогда не дам вам приказа сдаваться кому бы то ни было, это против моих принципов, но не буду препятствовать тому, кто захочет это сделать. Это моё слово офицера

СС. Более того, здесь и сейчас все, кто хочет, могут отделиться и продолжить свой путь куда угодно самостоятельно, со своим оружием и со своей частью продовольствия, безо всяких опасений. Каждому такому человеку я лично подпишу солдатскую книжку, на случай возможного контакта с немецкими частями, чтобы вас не осудили за дезертирство. Особенно это касается жителей прилегающих районов. Каждый, кто не использует эту возможность сейчас, продолжает оставаться под моим командованием и следует далее в указанном мной направлении. Какова бы ни была ситуация, непорядка я не потерплю. Мы останемся дисциплинированной боевой частью в любом случае, до моего дальнейшего приказа. Из соображений мобильности и маскировки, часть техники, видимо, придётся оставить. У вас есть время до заката на размышление. Всё. Вопросы есть?..

– Герр оберштурмфюрер, куда хотите направиться вы с теми, кто пойдёт с вами?.. – спросил один из эсэсовцев в шеренге.

– В целях безопасности, это я сообщу лишь тем, кто останется со мной, после отхода тех, кто пожелает уйти, как я уже сказал, здесь, этим вечером. Я понимаю, что это могло бы помочь вам при размышлении, но, к сожалению, в случае поимки кого-либо из тех, кто уйдёт, я не хочу рисковать собой и остальными людьми в моём подчинении, давая русским шанс выбить из вас наши планы. Ещё вопросы? Если нет, то разрешаю разойтись. Используйте максимально

оставшееся до вечера время для еды и сна – никто не знает, когда ещё вам предоставится такая возможность. Так. Десять человек с левого края, бегом в поле и замаскируйте остатки самолёта ветками или как вам покажется удобным, после исполнения доложить лично мне! Смена постов каждый час, ответственный Завацки, ко мне! Всё! Остальные свободны!..

– Оберштурмфюрер... – Крошка подбежал к соскочившему с броневика офицеру. – Явился по вашему распоряжению...

– Завацки! Что вы себе позволяете?! Что с этим молодым?

– Я, герр обер...

– Молчать, за эти годы я уже слышал все варианты твоих объяснений! Особенно сейчас считаю нарушение дисциплины непростительным!

– Ясно, герр оберштурмфюрер! Больше этого не повторится, герр оберштурмфюрер!

– Это я тоже слышал... – и добавил уже мягче: – Что ты думаешь о ситуации, Хорсте? Пойдёшь с нами?

– Что за вопрос?! Здесь мне делать нечего, до Кёнигсберга далеко, и там уже «иваны»... С вами, герр оберштурмфюрер, мы уже сколько? три... четыре года?

– Пошёл четвёртый...

– Ну вот. Кто же вас будет крыть, если что? – он усмехнулся. – Я нянчу эту роту с сорок второго, как же я могу бросить её сейчас, в таком интересном приключении?! К тому же, кроме раздолбанной русскими Вены, никаких красот

Австрии я ещё не видел. Надеюсь на хорошую экскурсию в Альпах... Сисястые розовощёкие девочки, толстые коровы с колокольчиками...

– Завацки, ты хоть когда-нибудь говоришь серьёзно?

– Пережить всё это, герр оберштурмфюрер, и остаться в здравом уме можно только с улыбкой. Я стараюсь не думать о плохом, иначе бы застрелился ещё в самом начале, когда полторы сотни моих друзей утонуло на моих глазах в ледяной воде... Кричали, звали на помощь, а я не мог им помочь, сидя в переполненной шлюпке, – ещё один на борт, и мы бы пошли ко дну все... А потом Восточный фронт и всё это... Я благодарен Богу за каждую минуту своей жизни и никогда ни на что не жалуюсь, наверняка поэтому Всевышний тоже благосклонен ко мне, – он театрально поднял глаза к небу. – Я всё ещё жив и здоров. И совершенно серьёзно говорю: я иду с вами. Вы – моя единственная семья, последнее, что знаю, это то, что моя мать погибла при бомбардировке ещё в сорок четвёртом, отец не вернулся с Первой войны, куда я пойду? – опять усмехнулся. – Вот, просил Янке, чтобы мне нашёл тут невесту, но он тоже собирается идти с вами и полковником...

– ЧТО??? Янке не остаётся дома?! – у фон Шенкофа округлились от удивления глаза. – Откуда ты это знаешь?

– Он сам мне сказал, как только вы приехали из деревни и привезли этого лётчика... Мол, решил ехать на запад, всё равно сюда придут русские и житья, мол, не будет... А если всплывёт что-то о его службе в СС, то ему и совсем конец...

Вот.

– А что его семья, дом?!

– Ну, это вы с ним и пообщайтесь, герр оберштурмфюрер, я в подробности не вдавался – уходит, значит уходит. Наверняка есть на то причины... Я не пастор, чтобы исповедовать.

– Хорошо, Хорсте, проследи за сменой постов, я рассчитываю на тебя. – Офицер кивком головы отпустил подчинённого. Крошка отдал честь и ушёл.

Александр фон Шенкоф стоял, оперевшись на бронемашину, в глубокой задумчивости. Он знал Янке давно, знал, как тот стремился домой и мечтал об этом возвращении. «Что же случилось? Узнал что-то плохое о своей жене во время его отсутствия? Поругались?.. Мало правдоподобно. Так просто оставить дом и детей в одночасье...» Потом он неожиданно вспомнил, как Йозеф в деревне не спускал взгляда с багажа полковника и даже уселся его охранять на грузовик. «Старая хитрая лиса! Он что-то знает. То, чего не знаю я. Но как? Этот лётчик никого не подпускает к мешкам и ни разу их не открыл. Ни словом не обмолвился даже мне о том, что в них... Надо срочно поговорить с Йозефом!..»

V

12.11.1996, Бавария, ФРГ.

Время уже неумолимо клонилось к вечеру, а я ещё не обедал. Где-то километрах в семидесяти от границы указатель уровня бензина стабильно вошёл в «красную» зону, и я уже искал глазами ближайшую бензозаправку, на которой хотелось бы также и вымыть машину: среди начищенных и сверкающих автомобилей в богатой южной Германии «по уши» заляпанный глиной джип резко бросался в глаза как обычным людям, так и полицейским, а этого-то мне как раз и не надо было. Не говоря уже о том, что на асфальт откуда-то снизу, с подвески или днища «Ровера», периодически падали комья грязи, мха и какие-то ветки, за что меня могли спокойно тормознуть, а это неизбежно повлечёт за собой и контроль документов. К тому же, такое состояние совсем не отвечало моему «швейцарскому» имиджу. Так что, увидев указатель, сообщаящий мне о наличии впереди, в ближайшем городке через два километра, заправки «Эссо» с автоматической мойкой, я не раздумывая свернул в указанном направлении.

Когда я заехал в бокс мойки, обслуживающий её молодой паренёк с выразительным «О-о-о!!!» окинул взглядом мой автомобиль и в шутку поинтересовался, где и в каком авто-ралли я участвовал.

Пока извергающие белую пену и воду форсунки высокого давления и разноцветные вращающиеся щётки драили до- нельзя засранный джип, мы, стоя снаружи, перекинулись парой фраз. Заплатив ему с небольшими чаевыми, я поинтересовался о наличии в окрестностях недорогого отеля, в котором можно переспать ночь и вкусно пообедать – голод и усталость после долгого мотания по лесу брали своё, к тому же ехать куда-то на ночь глядя не было всё равно никакого смысла: даже если бы я выдержал дорогу, то в Ганновере бы оказался, в лучшем случае, где-то после полуночи, пока найду указанный адрес, пока то да сё, – ещё минимально часок, короче, по-любому, «ни к селу ни к городу».

Как выяснилось, отелей в городке было целых три, но тем не менее доброжелательный рыжеволосый мойщик порекомендовал мне небольшой частный дом, где какая-то одинокая дама летом сдавала комнаты туристам, а сейчас, в несезон, конечно, будет рада иметь хотя бы одного клиента и наверняка, по его словам, сделает мне очень хорошую цену. Ничего против этого я не имел, и уже через полчаса, быстро договорившись со счастливой и приветливой хозяйкой и заказав себе обед, я нежился, стоя под колючими струйками горячего душа.

Как и предполагал паренёк с заправки, я был единственным клиентом этого частного пансиона, и сейчас в полном одиночестве уплетал изумительный «кровавый» бифштекс, приготовленный лично его владелицей, сидя в отделанной

деревом красивой столовой чисто баварского стиля, и запивал его прекрасным местным пивом.

Вскоре появилась хозяйка и поставила передо мной ещё и рюмку с желтоватой прозрачной жидкостью. На мой вопросительный взгляд – я ничего, кроме пива, не заказывал – она, улыбнувшись и обнажив свои белые ровные зубы, ответила: «Как почётному и единственному гостю – за счёт заведения!», после чего, налив и себе, присела к моему столу – явно скучала. Жидкость в рюмке оказалась достаточно крепким яблочным «шнапсом» её собственного производства, и после второго, а потом и третьего тоста, тоже «за счёт заведения», мы познакомились и беседа потекла как-то сама собой – обо всём подряд и ни о чём одновременно.

Её звали Катарина (тоже почти что Катя), была разведена, на вопрос о том, сколько ей лет, естественно, перевела разговор в другое русло... Выглядела где-то года на тридцать два – тридцать три, хотя наверняка ей было больше – как и многие небедные немки в этом возрасте, она хорошо следила за собой и явно не жалела на это средств. Простое, но при этом очень симпатичное тёмно-синее платье из какой-то мягкой ткани в мелких розовых цветочках, плотно обтягивающее всё наверху и свободное вниз от пояса, подчёркивало её сильный и статный, абсолютно упругий торс с высокой и пышной грудью, пара пуговиц на которой было, как бы невзначай, расстёгнуто, чуть приоткрывая краешек идеально белого кружевного бюстгальтера, прекрасно смотревше-

гося на фоне загорелой кожи. Красивое и холёное женственное лицо, как и остальные видимые части тела, также покрывал мягкий загар, а ярко-голубые глаза и смотанные в якобы небрежный, и именно этим очень симпатичный «растрёпанный» пучок густые волосы цвета зрелой пшеницы дополняли картину типичного идеала баварской деревенской женщины. Которая, к тому же, если хотела, умела себя приподнести...

Я немного смутился, когда понял, что она поймала на себе мой изучающий взгляд. Но Катарина лишь лучезарно улыбнулась, встретившись со мной глазами.

– Ну и как?..

– Что – как? – я сделал вид, что не понял, о чём она спрашивает.

– Что ты думаешь о том, что видишь перед собой? Каков результат оценки?..

– А, так...

– Только, пожалуйста, не надо извиняться, городить всякую чушь и так далее... Ты далеко не первый, кто на меня вот так смотрит, и, надеюсь, что и не последний. Так тебе понравилось то что ты видишь или нет, только честно?

– Ну... Абсолютно честно – очень. Если смотреть... хм... смотреть из соотношения «за» и «против»... так второе я пока не нашёл вообще, – серьёзно ответил я.

– Что?! Соотношения?.. Очень интересная математика! – она весело расхохоталась. – Ты всех так «соотносишь»? А какой, интересно, твой «проходной балл» для женщины?..

Два к пяти, или, может быть, восемь... к трём? – она заразительно смеялась и, казалось, не могла остановиться.

– В зависимости от конкретной ситуации и личного настроения экзаменатора... – её весёлый смех заразил и меня. – Установка «проходного критерия» сильно варьируется...

Заведение, видимо, не бедствовало, так как за его счёт мы, весело болтая, полностью dokonчили гранёную бутылку жёлтого яблочного шнапса. Как я в конце концов оказался вместо своей постели в её, уже, естественно, отчётливо вспомнить не могу. Зато хорошо помню, что умела она того много, хотела ещё больше, а позволяла ВСЁ, что вообще возможно себе представить...

Совсем не удивительно, что потом я и проснулся аж в одиннадцать часов – от запаха принесённого прямо мне под нос крепкого чёрного кофе.

Во время утреннего душа дверь неожиданно открылась, и... она присоединилась ко мне, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Практически целый день мы не выходили из её спальни – фантазия Катарини и её способности привести мужчину в нужное состояние практически не имели границ. К тому же, она ещё и делала всё это действительно красиво и страстно, так, что человек забывал обо всём на свете... И поэтому, только лишь следующим утром я, попрощавшись со сладкой и любвеобильной баваркой, отправился дальше, причём с та-

ким приподнятым и самоуверенным настроением, что готов был перевернуть горы и повернуть реки вспять... Да, хорошая женщина умеет сотворить с мужиком чудеса!

Вполне естественно, что за снятую комнату я ничего не платил – в конце концов, я в ней так ни разу и не спал.

Сначала, ещё дома у Йенса и Лени, с точки зрения экономики топлива и, соответственно денег, я хотел ехать в Германию на «Вольво», а не на прожорливом «Ровере». Но, во-первых, я не был уверен в состоянии лесных дорог в ноябре месяце – и, как позже выяснилось, был абсолютно прав, сев на внедорожник: раньше я был там лишь летом и поздней весной, в мае; во-вторых, «Рейндж-Ровер» являлся одним из моих наилюбимейших автомобилей, езда в котором доставляла мне истинное удовольствие; а в-третьих, мысль о том, какое впечатление я произведу на Катю при нашей второй встрече, тоже не была на последнем месте, а как раз именно для этого бравый джип, увешанный многочисленными фарами, с огромными хромированными колёсами и мощнейшей стереоустановкой «Блаупункт» с «ченджером» компакт-дисков и огромным «сабвуфером» басов в багажнике подходил гораздо больше, чем спокойный и представительный шведский седан, хотя и тоже достаточно «крутой».

Выезжая на автобан, я усилил громкость. По немецкому радио давали «Алексию» с её последним дэнс-хитом этой осени:

«Music is the key to fall in lo-ove, music is the answer of

the wo-orld, music is the po-ower to survive when I feel do-o-own...» – протяжно лился из репродукторов мягкий женский голос. Песенка мне очень нравилась, а так как ездил я обычно в сильной зависимости от того, какая именно музыка играла в автомобиле, то сейчас, в замечательном и возбуждённом настроении, резко придал газу и начал плавно входить в крутой поворот при въезде на скоростную трассу. По телу побежали мурашки, и волосы на руках встали дыбом от удовольствия, когда синхронно, в темп набирающей силу заводной дискотечной песни, начал разгоняться и автомобиль, центробежной силой наклоняясь в повороте налево и легонько вдавливая меня в сиденье вследствие резкого увеличения скорости.

Это было именно то, за что я так обожал «Рейндж-Ровер»! Как один из очень и очень немногих в своём классе, он прекрасно вёл себя как в непроходимом бездорожье, так и на ровном асфальте. Его огромный мощнейший мотор о восьми цилиндрах, общим объёмом почти четыре литра, чувствительно реагировал рывком вперёд даже на лёгкое прикосновение к педали газа. Вследствие достаточно большой высоты, внутри автомобиля хорошо чувствовался щекочущий нервы наклон при входе в поворот на скорости, но при этом в руках хорошего водителя машина чётко и уверенно «держала» дорогу благодаря собственной правильно распределённой немалой массе и постоянному приводу на все четыре колеса. Пара сотен механических «лошадей» под капотом это-

го английского произведения автомобилестроительного искусства издавали ни с чем не сравнимый гул и рокот, пожирая – да и хрен бы с ним! ОНО того стоит! – литры и литры дорогостоящего высокооктанового бензина и разгоняя этого стального монстра до невероятной для классического вездехода скорости – 190 километров в час.

Получив полный «кайф» от поворота и разгона на этом уникальном джипе, я, несколько сбросив скорость до более экономичного режима, уселся поудобнее и поставил машину на темпомат – вариант автопилота для автомобиля, который сам поддерживает заданную скорость без участия водителя. Теперь только не пропускать нужные скоростные развязки и указатели, в остальном на всю дорогу можно расслабиться.

Через примерно часов пять я уже тормозил со снова пустым баком на заправке перед въездом в Ганновер – прожорливый мотор давал о себе знать.

Купив здесь же карту города и порасспросив обслуживающий персонал, я отправился искать нужную мне улицу, которая находилась, вроде как, где-то в центре. Потолкавшись пробками на городских светофорах и перескочив пару бордюров, тёмно-синий «Рейндж-Ровер» наконец остановился у небольшого парка перед домом номер 8 на Эденштрассе.

На деревянных воротах старого, но хорошо реконструированного четырёхэтажного дома с мансардой я быстро нашёл звонок с табличкой, на которой стояло: «Stoll Katja, Baumgartner Irena», и, глубоко вздохнув, нажал кнопку. По-

том нажал ещё раз и ещё, но ответа не было. Я подождал ещё минут пять, переминаясь с ноги на ногу перед домом, потом попробовал позвонить снова – эффект был тот же.

Неожиданно из окна первого этажа высунулась какая-то морщинистая старушка и высоким писклявым голосом поинтересовалась (по-немецки, естественно):

– Вам кого надо?

– Штолль, Катю Штолль... – неуверенно ответил я. – Живёт тут такая?

– Если даже не знаешь, живёт или нет, так почему вообще тут трезвонишь? – съязвила старушенция, быстренько перейдя со мной на «ты».

– Так что?..

– Живёт, живёт... но сейчас на работе они, в пиццерии.

– Кто ОНИ?

– Да с подругой она тут квартиру снимает, на двоих.

– А эта... пиццерия, она где? Далеко отсюда? – осторожно перебил я.

– На Подбельски, за трамваем.

– Как-как?

– На Подбельскиштрассе, за остановкой трамвая! Ты!.. – разозлилась на мою непонятливость бабулька.

– Извиняюсь, фрау, я не местный...

– Фройляйн! – важно поправила она.

– Тем более... – я усмехнулся над её гордостью, что всё ещё является старой девой, и поблагодарил: – Данке... фрой-

лайн!

Название Подбельскиштрассе напомнило мне, что и в Москве где-то есть улица Подбельского и даже, кажется, так называется станция метро, в котором я уже бог знает как долго не был, но кто он такой, этот Подбельский, и чем прославился, я, хоть убей, вспомнить не мог.

На счастье, Подбельскиштрассе являлась одной из центральных и достаточно больших улиц Ганновера, которую я легко и быстро отыскал как на карте, так потом и на местности.

Найти пиццерию у остановки трамвая тоже не было большой проблемой. Вскоре я запарковал сверкающий чистой джип с красивыми швейцарскими номерами практически напротив стеклянной стены заведения и почти сразу же увидел Катю, которая сновала между столиками, разнося кому-то на подносе кофе и вино в красивых бокалах на длинной ножке.

Я решил появиться очень эффектно и неожиданно (типа: «Разрешите представиться... меня зовут Бонд... Джеймс Бонд...» или так, что-то в этом стиле), поэтому, стараясь быть сначала незамеченным, прошёл вглубь зала, уселся за свободный столик у окна, спиной к бару, и стал ожидать появления официантки, прикрывшись газетой, которую нашёл тут же на столе, делая вид, что абсолютно увлечён чтением. Каких-то пару минут – и подошла ОНА... Остановилась, привычно замерев у столика с блокнотом и ручкой в руке:

– Добрый день, что желаете? Будете у нас обедать?..

– «Кваттро стаджиони», битте, сеньорита... – произнёс я название своей любимой пиццы «четырёх вкусов» и, отложив газету, невинно посмотрел на неё снизу вверх.

Ожидаемый эффект был на «все сто» достигнут: ручка упала на пол, глаза округлились, а она, чуть присев, прикрыла рот рукой и тихо произнесла:

– О-о-о!!.. Мой боже!!!!.. Мой... Боже...

– Я тоже рад вас видеть, фройляйн... – произнёс я с максимально невозмутимой физиономией, как наверняка бы сделал на моём месте и всемирно известный британский агент 007.

– Это... естественно... не случайное совпадение, нет?

– Нет, дорогая моя, признаюсь сразу: конечно же, всё построено! Ты ведь всё равно не ожидала, что приеду, а?

– Не ожидала...

– И не рада?

– Ну... В принципе, рада, потому что надеюсь, что и денежки мои ты привёз? – она уже быстро оправилась от первого потрясения и снова, за что мне и понравилась в Вене, держала себя в руках и отвечала заносчиво.

– Не ломай моё романтическое настроение, я так старался сделать тебе сюрприз.

– Считай, что получилось...

– До сколько работаешь?

– До одиннадцати.

– Как насчёт потом куда-нибудь зайти и всё обсудить? Здесь ты, как я понимаю, времени на это иметь не будешь.

– С места в карьер?

– Почему бы и нет... Да, кстати, милая моя, насчёт этой пиццы я был абсолютно серьёзен – только что прямым написанием из Швейцарии и всю дорогу не евши! – я многозначительно кивнул на «Рейндж-Ровер» с цветными номерами кантона Тюргау и овальной белой наклейкой «СН», стоящий прямо за окном. – И какое-нибудь порядочное пиво, битте...

Судя по выражению лица, джип она оценила. Улыбнулась и, опять, как тогда, на вокзале, красиво покачивая бёдрами, прошла куда-то за барную стойку. А я опять смотрел, как переливаются, качаясь в такт походке, её волосы...

Когда через некоторое время она принесла мне пиццу, я повторил свой вопрос относительно вечера.

– В одиннадцать тридцать стой перед входом, – бросила лаконично Катя и вернулась к своей работе.

Поболтавшись пару часов по городу, за пятнадцать минут перед назначенным временем я уже припарковывал свой «Ровер» на противоположной от пиццерии стороне улицы, напротив выхода. Уже давно было темно, и вокруг меня светились и моргали всеми цветами огоньки ночного Ганновера, по улицам медленно текли реки красных и белых автомобильных фонарей и фар, периодически то тут то там мигая жёлто-оранжевыми поворотниками. Словно НЛО боль-

шого размера, в небе над городом висело освещённое круглое тело телебашни. Из проезжающих мимо машин раздавалась громкая музыка, на тротуарах, вместо сосредоточенных граждан в строгих дневных костюмах или рабочих спецовках, появились щебечущие, по-вечернему одетые парочки и тусующаяся молодёжь – на смену озабоченному и организованному немецкому рабочему дню пришла весёлая, пьяная и разнузданная ночная жизнь каждого типичного западноевропейского большого города.

Вскоре в дверях пиццерии появилась Катя и помахала мне рукой, потом, перебежав дорогу в неположенном месте, уверенно дёрнула ручку двери и уселась на правое сиденье джипа.

– Ну, так что ты хочешь предложить? – обернулась ко мне.

– Ты здесь ориентируешься получше, так что скорее рассчитываю на тебя... Какое-нибудь приятное местечко, на твой вкус, где можно и отдохнуть, и пообщаться. Я плачу. Только, пожалуйста, не какое-нибудь «Хард-Рок» кафе, завывающие «Битлз», глубокомысленные длиноволосые очкарики с претензиями на высокую интеллигентность и т. д. Хорошо? А то такие темы меня не возбуждают... Как, идёт?

– О`кей! Заводись.

Пара светофоров, поворот направо в узенькую улочку, и мы уже спускаемся по грохочущей железной лестнице в какой-то слабо освещённый подвал.

Внутри оказалась достаточно приличная дискотека с от-

дельно стоящими в уголках столиками, два из которых были свободны. Проходя мимо стойки, моя спутница по-дружески поприветствовала бармена и официантку – видимо, ходила сюда часто. Музыка – мягкое «техно» – тоже была мне по душе. Небольшой зал, постоянно пересекаемый зелёными и красными лазерными проекциями причудливых форм, то и дело то целиком менял свой цвет, то погружался во тьму в музыкальных световых эффектах. В воздухе явно присутствовал хорошо знакомый запах палёной «травки».

Мы заняли один из свободных столов подальше от огромных колонок, чтобы можно было поговорить. Катя заказала себе какой-то немыслимый коктейль подозрительного си-не-зелёного цвета, с кусочками лимона, киви и чего-то ещё, льдом, торчащими зонтиками и соломкой, я же, сохраняя имидж, – водку «Смирнофф» с сухим «Мартини» («взболтать – не перемешивать...» и так далее – в стиле 007).

– Так, Катя, вот мы и встретились... опять... – многозначительно начал я. – Это, вот, сразу, чтобы ты так не переживала... – я вытащил из кармана куртки и положил перед ней заранее приготовленный конверт с эквивалентом 8600 австрийских шиллингов в немецких марках, естественно, округлённым в большую сторону. – И ещё раз спасибо.

– Денежки? – она взглянула внутрь конверта и, не считая, сунула его в свою квадратную кожаную сумочку, пояснив: – Верю... Сложно себе представить, что ты пёрся в такую даль, чтобы в конце всего этого наколоть меня марок на

двадцать...

– Это факт.

– Так что... уже могу идти? – она испытывающе посмотрела на меня.

– А хочешь?..

– Ну вот, допью коктейль и... – опять долгий ожидающий взгляд.

– Деньги я тебе мог, собственно, и по почте послать, зная адрес...

– Так почему же, «собственно», так утруждался?

Она была хороша! Ой, хороша! Чётко знала, что хотела, и, видимо, привыкла всегда выигрывать. Никаких «сю-сю», «ню-ню», пустых фраз и взглядов в никуда... Прямо напролом к теме – «да» – «нет».

– Хотел тебя увидеть ещё раз, – быстро сдался я, в подсознании понимая, что уже теряю ведущую позицию в общении с ней, что было, в общем, небезопасно и не совсем в моём стиле.

– Интересно, с какой целью?..

– Понравилась ты мне... В общем... сразу, ещё там, в Вене, когда сидела так молча в машине... Ты-то мне адрес свой что, только из-за денег, что ли, дала?

– Исключительно! – она строго посмотрела на меня, а потом, наконец-то улыбнувшись и видя, что полностью «победила», добавила уже мягче: – Ладно, пойдём потанцуем...

На следующий день у Кати был выходной, так что мы «от-

рывались» где-то до пяти утра. После чего, в нарушение даже мягких немецких правил, разрешающих употребление алкоголя за рулём в малых количествах, в очень и очень нетрезвом виде, я сел за руль своего огромного джипа и привёз девушку к её дому.

Когда я, криво въехав на тротуар, «причалил» прямо перед входной дверью дома, чуть было не протаранив её бампером, мы вышли из машины, и тут появился вопрос «на засыпку»:

– А ты... где остановился? – поинтересовалась она.

– Я? Э-э-э... – то ли из-за обычного так присущего мне раздолбайства, то ли из-за непоколебимой уверенности в собственной неотразимости, я, естественно, не остановился нигде...

– Надеюсь, ты не рассчитывал на то, что вот так приедешь, я прыгну тебе на шею, как в идиотском кино, и тут же потащу тебя в свою в постель? А?..

Она даже в этом состоянии не потеряла способность трезво мыслить, что, с одной стороны, было, конечно, очень хорошо и заслуживало всяческого уважения, но с той, другой... и именно сейчас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.